

Фёдоров А.И.

Две судьбы.

Вспомним тех кто погиб защищая нас. Памяти много не бывает.

Сегодня рассказ о людях захороненных в братской могиле деревни Творожково. Захоронение расположено в центре деревни. Раньше за братской могилой располагалось здание Творожковской семилетней школы учащиеся которой ухаживали за могилой. Всего несколько лет назад здание школы из-за ветхости разобрали, изменился памятник и состав людей приходящих поклонится 9 Мая. Все меньше тех кто помнит захороненных в этой могиле.

Здесь покоятся девяносто четыре защитника нашей Родины. Известны имена тридцати пяти бойцов, из них тридцать умерших от ран с 18 по 27 февраля 1944 года в 63 отдельном медико-санитарном батальоне 53 гвардейской стрелковой Краснознаменной дивизии располагавшийся в деревнях Борки и Симанский Лог.

По данным военкомата в 1955 году в братскую могилу деревни Творожково перенесены останки из захоронений деревень Борки, Давыдово, Домкино, Дуброшкино, Задорье, Замогилье, Записенье, Заречье, Симанский Лог.

Два эпизода Великой Отечественной войны, две судьбы связанные с нашим краем.

В конце мая 1943 года 2-й партизанский полк, командиром которого был Н.И. Синильников, из Ленинградского штаба партизанского движения получил радиogramму о направлении самолётов с боеприпасами и другими грузами. Местом приёма выбрали Шкваренскую лесную дачу. Обещанных самолётов полк ждал шесть дней, штаб своё обещание ежедневно подтверждал радиogramмами, на подготовленной к приёму грузов

площадке каждую ночь дежурили партизаны, но самолёты так и не пришли. 2-й полк оказался в окружении, каратели полностью и довольно плотно окружили Шкваренский лес. Разведчики при попытках прорвать это кольцо расходовали последние боеприпасы, росло количество раненых. Бойцы голодали, питались только мясом лошадей.

Участник тех боев В.П.Некрасов рассказывает: *«Карательные отряды были хорошо вооружены и снабжены, это были снятые с фронта регулярные войска. Они тесным кольцом обложили наши лесные владения, рассчитывали уничтожить партизан. Решался вопрос жизни и смерти. На совете комсостава комиссар полка П.В.Власов предложил прорывать кольцо окружения не через боевые порядки немецкой пехоты, а там, где враг меньше всего ожидает удара: напасть на штаб его командования, смести охрану и выйти на оперативный простор. Этот дерзкий по замыслам план был принят.»*

Н.И.Синельников принимает решение спасти людей, идти на прорыв «кольца». Он создаёт два отряда, сосредоточив в них основное вооружение и боеприпасы – один для штурма немецких позиций, второй для прикрытия отхода, у остальных партизан остаётся по пять патронов на винтовку. В ходе боя, была прорвана линия окружения и полк вышел на дорогу Заречье – Ровное. В том бою героически погиб комиссар полка Павел Власов.

В дневнике партизана С.И.Гусева записано:

«Воскресенье 6 июня 1943 года.

Всю ночь двигались на север. Кругом стрельба. Попадали часто под фронтовой обстрел. Ранило Я.А.Пакостина. К рассвету наткнулись на засаду – били с флангов и в лоб – однако бригадная и полковая разведки, отряд № 40 взяли на «ура» и прорвали кольцо окружения. Бегом дошли до дороги, перерезали два провода и пошли на северо-запад. При стычке с засадой тяжело ранило П.В.Власова – комиссара полка. Убило трёх человек, лошадь, а часть лошадей пришлось бросить. Шли очень быстро. Зашли в д. Рокино. В одном километре северо – западнее д. Записенье остановились отдохнули, похоронили П.В.Власова (корд.6896) и часов с 17. 00. пошли дальше – до д. Драничник.»

Останки П.В.Власова перенесены в братскую могилу д.Творожково в 1955 году.

До войны Власов Павел Власович работал заведующим типографией Дедовического района. С первого дня оккупации добровольцем вступил в партизанский

отряд. Затем политрук роты партизанского отряда «Буденовец» 2-й Ленинградской партизанской бригады. Власов был членом делегации Партизанского края, которая в марте 1942 года была направлена в осажденный Ленинград вслед за продовольственным обозом. В Ленинграде, он получил свою первую боевую награду орден Красного Знамени. В конце 1942 года П.В.Власов был назначен комиссаром 2-го полка 2-й партизанской бригады.

Еще один эпизод Великой Отечественной войны.

Из воспоминаний И.В.Виноградова: « 22 августа 1943 года группа Егорова шла на заготовки зерна через деревню Подол, только вышли из деревни фашисты открыли стрельбу. Убит Василий Егоров и Сергеев, ранено три партизана. На следующий день хоронили погибших на берегу озера в деревни Подол. На панихиде выступили: комиссар отряда Е.М.Петрова, командир отряда И.Т.Иванов, командир роты И.С.Щеркин, политрук В.П.Некрасов, заместитель начальника полковой разведки Яковенко и командир полка Н.И.Синильников

Один из главных героев книг Ивана Виноградова «Дорога через фронт», «Герои и судьбы», «Тревожные дни марта» партизан Вася Толчишкин. Василий Егорович Егоров (Толчишкин) до войны работал в городе Остров. С первых дней войны Егоров находился в рядах Красной Армии, попал в окружение, из отступающих солдат собрал группу, взял командование на себя. Пришли в полном составе в партизанский отряд. Состоял Егоров в отряде имени Красавина. С февраля 1942 года печатал партизанскую газету «Народный мститель», на территории Струго-Красненского района воевал помощником командира группы 2 Ленинградской партизанской бригады. Из д. Подол останки В.Е.Егорова перенесены в братскую могилу деревни Творожково. Его именем названа одна из улиц п.Струги Красные.

Творожково июль 1967 года

В июле 1967 года в Стругах Красных проходила встреча боевых побратимов, участников партизанского движения. После официальной части участники слета выехали в деревню Творожково. Здесь все собирались возле братской могилы почтить память боевых товарищей. С рассказом о боевых делах выступил бывший партизан

С.И.Гусев. К подножию памятника на братской могиле возложили венок бывший командир Второй Ленинградской партизанской бригады Н.А.Рачков и первый секретарь районного комитета КПСС П.М.Щербо.

Традиционно уже много лет маршрут автопробега местного отделения ДОСААФ России в День Победы проходит через деревню Творожково. Жители деревни всегда очень гостеприимно встречают участников автопробега.

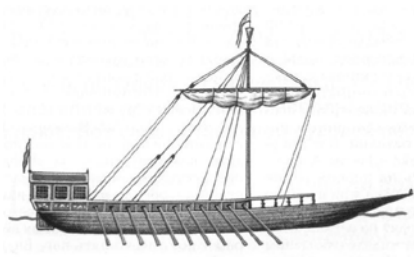
Получены архивные справки на Власова П.В. и Егорова В.Е. их имена будут занесены в список погибших, братской могилы д. Творожково.

Фото 2011 года. Захоронение д.Творожково

Литература:

- И.Виноградов «Догога через фронт», «Герои и судьбы», «Тревожные дни марта»
- И.Виноградов «Звать можете Толчишкиным...» //«За коммунизм»- 1987- 2 июля
- Н.Никитенко «Партизанские комбриги: люди и судьбы».-Псков, 2010.
- «Псковщина партизанская: Воспоминания участников партизанского движения» - Л.: Лениздат, 1979.
- М.Цветков «Этих дней не смолкнет слава»// «За коммунизм»- 1967- 26 августа
- С.Гусев «Из истории партизанского движения на Стругокрасненской земле»// Наш край-2010-№4»
- С.Гусев «Дневник боевых дел второй Ленинградской партизанской бригады (апрель – август 1943г.)».

В.М.Николаев

Воспоминания Николаева Владимира Михайловича

Николаев В.М.-1927 г.р., бывший директор совхоза «Пламя». Проработал на должности руководителя хозяйства 29 лет.

Часть 1. Юность.

Родился я 7 августа 1927 года. В деревни Прусси Марьинского сельского совета (бывшего Заозерского) Стругокрасненского района Псковской области в семье крестьянина. Отец мой Николаев Михаил Семенович в 1927 году был призван в Красную армию, служил в г. Ленинграде, где и остался после окончания службы, а в 1930 году к нему переехали жить и мы – я, брат Борис и мама Анна Степановна. До 1941 года я учился в 15-й потом в 86-й школах Петроградского района. Жили мы в Петрокрепости в доме №2. До войны там музея не было, и во всех домах жили люди. 1 июня, сдав экзамен за 6-й класс, мы как обычно, с братом уехали на дачу в Пруссии к бабушке с дедушкой. Что запомнилось за период жизни до войны? В школе я был принят в октябрята, а затем в пионеры. Учился я хорошо, да и жили мы хорошо. Отец и мать работали, отец шофером, мать подсобной рабочей на рентгенфабрике. Помню день похорон С.М. Кирова. Сильно ленинградцы любили Кирова, поэтому прощание с ним было очень трогательное. В общем, жили беззаботно, весело, сыто, ничего плохого не замечали. Помнятся дни войны с Финляндией, отец в ней участвовал.

22 июня 1941 года мы в деревне узнали о начале войны. В газетах писали, что бои идут на границе с Германией, что наши войска успешно отражают наступления немцев, но вот что-то все затихло, и оказалось, что немцы уже у Луги, а мы на оккупированной территории.

Первый год оккупации я работал вместе с дедушкой в своем хозяйстве. Земля была разделена между крестьянами, на едока, и каждый трудился в своем хозяйстве. Дедушка мой Николаев Семен Николаевич был настоящий крестьянин-хозяин, знал все специальности крестьянские, хотя до революции они с бабушкой жили в городе

Петрограде. Уехать в деревню их заставил голод. Дедушка был участником Свеабургского восстания на Балтике (в 1906 в Свеаборге - Финляндия восстание солдат и матросов), он служил в крепостной артиллерии фейверкером.

В 1942 году немцы стали гонять население на охрану железной дороги от партизан. За каждым закреплялся участок (пикет). Обязанностью было при подходе партизан поднимать шум и сообщать немцам. За невыполнение карали смертью. В одну из зимних ночей, неподалеку от участка дедушки партизаны пустили поезд под откос, и хотя до дедушкиного участка было около километра, немцы избили его прикладами. Некоторое время он пролежал под откосом без памяти, потом прибрел домой, слег и больше не встал, умер. Вместо дедушки на дежурство стали гонять меня. Всякие были случаи, смерть ходила рядом. Один раз ночью пришли к нам в дом партизаны, и предложили мне сотрудничество. Я согласился, подписал обязательство или клятву, точно не помню. Дали мне кличку «Виноградов» и я стал выполнять задания партизан. Жил я вместе с бабушкой, по мере возможности работал в своем хозяйстве, имел немецкий аусвайс (паспорт) жил легально и ходил на задания, которые получал от командира разведки Смирнова Василия Васильевича, а заместителем у него был Сергеев Миша. Ходили мы вместе с парнем с нашей деревни – Мишей. Обычно связными в Струги Красные, где у партизан были явки. Носили почту туда и обратно, иногда оружие. Помнится один случай – дело было летом, дали нам адрес, подходим днем (легально ведь ходили), большой дом, в доме все открыто, играет патефон, в комнате полно немцев – танцуют, поют. Мы опешили, никто не предупредил, что в доме могут быть немцы. Вошли с заднего крыльца, к нам вышла старушка, спрашиваем, здесь ли живет... (нам надо было девушку, лет 20-ти не помню, как зовут). Старушка сказала, здесь, вон она в той комнате, где немцы веселятся. Мы попросили старушку позвать ее. К нам вышла красивая девушка, мы назвались, сказали пароль, она взяла нашу почту, помню, из под шкафа вынула пакет и передала нам. Принесла нам поесть, но мы отказались и быстро ушли. По настоящему опомнились мы далеко от Струг Красных. Когда командира встретили, все ему рассказали, тогда он нам и поведал, что девушка эта работает на нас, служит у немцев в комендатуре переводчицей. Как ее звать и фамилию не сказал, да мы и не спрашивали. Приходилось нам выводить из Струг-Красных людей – одиночек и группами, помню даже полицейских, все уходили в партизаны. Летом 1943 года нас засветили, Мишу – моего

напарника арестовали, а меня дома не было, так и спасся, а когда подходил к деревне, меня предупредили. Больше я уже дома не бывал, только раз, зашел проститься с бабушкой перед уходом в 6-ю партизанскую бригаду. Мой напарник, Тихонов Михаил Сергеевич, кажется 1925 года рождения, погиб, а я стал бойцом 6-ой Ленинградской партизанской бригады в отряде №1, командиром которого был Лозин. Партизанил я до марта 1944 года, потом бригаду расформировали.

Война есть война, но воевать в партизанах гораздо тяжелее. Снабжения никакого, я всю зиму, до соединения с красной армией ходил в рваной фуфайке и в опорках сделанных самим же, из невыделанной коровьей кожи. Бывало, что месяцами не заходил в теплую хату. Война, это тяжелейший изнурительный труд, ночные походы по 60 км и более. На себе несли весь свой скарб, оружие, да по очереди тащили пулемет и диски к нему. Бывали мысли, что уж лучше бы погибнуть скорее, чем так мучиться. А голод – все время хотелось есть, зачастую по несколько дней во рту крошки не было. Помню раз, месяц жили в лесу, в кружении, ни хлеба, ни соли, в рот положить нечего, а когда из окружения удалось выйти, многих несли, а кто шел сам, как пьяные от истощения шатались. Но самое страшное было не смертельная опасность и даже не сама смерть, а ранение. Это долгое страдание и смерть, иногда от пустяковых ран. Вот брат мой двоюродный Яковлев Василий Сергеевич, он служил в третьем отряде, ранение получил в пах, кость не задело, а на 12-й день умер в муках от заражения крови. Я до расформирования бригады, как в Ленинград прибыл, всегда носил в кармане гранату Ф-1, в платочек завернутую, для себя, на случай ранения или плена. В нашем первом отряде было всего около 350 человек, а в Ленинград пришло всего 96, остальные погибли. Я остался жив, хотя одежда была не в одном месте продырявлена. В общем, мрачные воспоминания о том времени.

Окончил я свою службу в январе 1947 в 37-м военно-морском госпитале. Оттуда весной и выписали инвалидом Великой отечественной войны II группы с пенсией 96 рублей (буханка хлеба на рынке). Мама вернулась в Ленинград из эвакуации из Томска, ее зимой 42-го по Дороге Жизни эвакуировали. Дали ей комнату в общежитии, и я переехал к маме. После обследований врачи сказали, жить хочешь, уезжай из города в деревню, я и поехал в деревню Пруссии к бабушке. Жизнь тяжелая была, питались лепешками, в которых 90% травы. Я получал небольшой паек, которого едва хватало на

неделю, а выдавался он на месяц. По болезни с диагнозом плевмоторокс я был поставлен на учет в Псковском туберкулезном диспансере, куда ездил на процедуры раз в две недели. Главным врачом там была Сара Абрамовна, спасибо ей, что бы я не умер с голода, она меня определила в военный госпиталь. Так я и жил по госпиталям, опять со смертью боролся до июня 1950 года. Потом стало легче, решил я, что настало время работать.

Часть II. Сельскохозяйственное производство.

15 июня 1950 года меня взяли на работу в Страшевский сельский совет на должность секретаря. 1 февраля 1952 года я был избран председателем сельского совета. В то время колхозы были мелкие, в каждой деревне был свой колхоз, и в районе колхозов было много, ведь выходило, сколько деревень, столько и колхозов. Совхозов на район было четыре – «Пламя», «Авангард», «Вперед» и «Новосельский», они тоже были небольшие. Райисполкому и РК КПСС трудно было охватить все хозяйства, поэтому руководство ими осуществлялось через сельские советы, их в районе было тоже много. В нашем Страшевском сельском совете были колхозы: Новая Захонка, Мошутино, Дьяково, Жидишино, Страшево, Березицы. Потом их разделили и сформировали два колхоза – «За коммунизм», в него вошли Новая Захонка, Березицы, Жидишино, Страшево и колхоз Машутино, в его состав вошли Машутино и Дьяково. Из всех мелких колхозов сравнительно неплохо дело обстояло в Страшево, там люди стабильно получали на трудодень до двух килограммов хлеба, денег правда получали копейки, но хоть хлебом были обеспечены, и поэтому жили более менее не плохо. А остальным колхозам едва хватало рассчитаться с госпоставками, самим уже ничего не оставалось, как влачить жалкое существование. Многим зерна на семена не оставалось, не то, что работникам на трудодни. Все уходило на госпоставки. Весной эти колхозы получали семена от государства в ссуду, которую осенью нужно было вернуть с процентами. Вот и получалось, что колхозы эти из года в год оставались в кабале у государства, и им было никак не выбраться. А платило государство за сельскохозяйственную продукцию гроши. Много, конечно, зависело и от руководства хозяйства. Страшевским колхозом руководил Герасимов Алексей Ефимович, мастер был на все руки – кузнец, столяр, плотник отличный. Умел наладить все машины – молотилки, жатки, сам на них работал. Народ ему верил, и поэтому работали все как на

себя. Колхоз получал хорошие урожаи, вовремя и полностью рассчитывался с государством. Зерна хватало на семена и на трудодни колхозникам, скот сытый был, как колхозный, так и личный. Но таких колхозов в районе было единицы. Большинство жили очень бедно, мало, что люди на трудодни почти ничего не получали, так еще огромные налоги выплачивали. Каждый должен был выплатить со своего хозяйства в пользу государства 40 кг. мяса, 300 литров молока, сколько то яиц, (не помню), шерсти, и кроме того около 1000 рублей сельхозналога и 150 бездетного, да страховка. Все это надо было сдать по срокам, а то придут, опишут и заберут все имущество. Выкручивались люди за счет приусадебного участка и скота имеющегося в личном хозяйстве. А порядок был такой – имеешь ли ты хозяйство или нет, налоги все равно плати. Народу в деревнях тогда было много, потому что никто не имел права выехать из деревни, паспортов колхозникам не выдавали. Выехать удавалось тем, кто в армию уходил, потом, как правило, они не возвращались домой и тем, кто в тюрьму попадал, они тоже назад не возвращались. Бывали случаи, что специально совершали мелкие преступления, что бы в тюрьму попасть и так выбраться из деревни. Не заинтересованы люди в результатах своего труда были, отсюда и производительность такая низкая в колхозах и нежелание в деревнях оставаться. Вот в таких условиях я и начал постигать азы сельскохозяйственного производства. В сентябре 1953 года состоялся пленум ЦККПСС, после которого народу стало жить чуточку легче за счет уменьшения налога с личных хозяйств. Но это были лишь половинчатые меры, и положение с производством сельскохозяйственной продукции не улучшалось. Производительность труда оставалась на прежнем уровне. Народ по-прежнему стремился удрать из деревни. Вот если бы в то время колхозникам раздали землю в личное пользование, (а колхозники то в большинстве были бывшие единоличники, трудяги) то в настоящее время у нас в стране было бы изобилие продуктов, как и в странах Запада. Но путь на сентябрьском пленуме ЦККПСС был взят на укрепление колхозов и совхозов, и мы верили в то время, что путь этот правильный, и делали все для выполнения задач, поставленных партией и правительством перед тружениками села.

20 октября 1954 года меня перевели на работу в аппарат райкома партии инструктором по сельскому хозяйству, где я проработал до 15 февраля 1958 года. Первым секретарем райкома партии в то время был Воробьев Дмитрий Павлович, тоже бывший партизан. Многих первых секретарей райкома я пережил, но лучше Дмитрия Павловича не было.

Не боялся он внедрять в колхозы и совхозы такие методы работы, которые не поощрялись наверху. Всеми силами старался он улучшить положение в сельском хозяйстве района. Почти все свое рабочее время проводил среди колхозников, со многими знаком лично был, часто ночевал в деревнях. Придет, бывало на ферму, с каждой дояркой или свинаркой за руку поздоровается, каждую по имени отчеству назовет, не сторонился простых людей, и народ его уважал, большим авторитетом он пользовался среди тружеников села. Но многое ему сделать не удавалось, существующие законы и указания верхов мешали. В обкоме партии его не жаловали, за что и сняли в один прекрасный день с работы. Помню, пленум райкома партии проходил два дня, бюро обкома партии сняло его с работы, а пленум райкома не отпускал. Два дня секретари обкома бились и, в конце концов, к вечеру второго дня добились, что пленум райкома партии большинством в один голос принял решение освободить Воробьева Д.П. с должности первого секретаря райкома партии. Вот такой у меня был первый учитель по сельскохозяйственным наукам...

В то время многое было сделано по укреплению колхозов и совхозов, следовательно, и по увеличению сельскохозяйственной продукции в районе. Под стать Воробьеву Д.П. председателем райкома работал Потрашков Федор Алексеевич, тоже хороший человек и настоящий организатор. Много он сделал для улучшения жизни на селе. Надо сказать, что руководители района как сами много работали, такой же работы требовали и от аппарата. В понедельник, как обычно, утром инструктаж и на неделю в колхоз, до субботы не имеешь права выехать оттуда. Получишь, бывало, задание в Сиковицкий сельский совет в колхоз им. Крупской, это больше 40 км. от Струг Красных, автобусов тогда не было, добираться на чем придется, большинство пешком и живешь там до субботы. Столовых в хозяйствах не было, потому еще и провизию с собой носили.

В феврале 1958 года я получил задание готовить отчетно-выборное собрание в колхозе «За коммунизм» Страшевского сельского совета, где я в свое время работал председателем сельского совета. Председателем в колхозе тогда уже два года работал Алексеев Федор Гаврилович. Был он рекомендован на эту должность как тридцатитысячник из Пскова. Было тогда такое новшество в сельском хозяйстве, придуманное верховными властями, в помощь сельскому хозяйству руководителями колхозов и совхозов присылали людей с городов, назывались они тридцатитысячники

(тридцать тысяч человек по всей стране было отправлено с промышленного производства на должности руководителей хозяйств). Много их было и в нашем районе, а прижился один Смагин Федор Васильевич – председатель колхоза Молодецкий. Толковый был хозяйственник, под его руководством колхоз окреп и был одним из лучших в районе. Он и сейчас на пенсии живет там же. Остальные же присланные в большинстве случаев дело заваливали и удирали обратно в город. Вот и Алексеев Ф.Г. завалил колхоз «За коммунизм» намертво. И не потому, что он был пьяница и забулдыга, нет, он был хороший человек, но в сельскохозяйственном производстве ничего не понимал, не имел организаторских способностей вот и развалил хозяйство. Мне было дано задание подготовить собрание, а проводить его приехал секретарь райкома партии Погребной, он же привез очередного председателя взамен Алексееву. Проходило собрание 28 февраля 1958 года. Сначала председатель кое как отчитался о работе, а когда объявил, что на трудодень выделено 29 копеек деньгами и 30 грамм зерном, такой шум поднялся, люди заявили: «хватит нам всяких приезжих подсовывать, избираем председателем колхоза секретаря райкома Погребного». Погребной конечно опешил, и начал выставлять всякие причины, но колхозники стояли на своем: «или председателем будет Погребной, или уходим все по домам». Тогда Погребной объявил перерыв, что бы посоветоваться с первым секретарем райкома партии Д.П.Воробьевым, но я то знал, что Воробьева нет в районе, он тогда в командировку уехал. В перерыве Погребной стал меня агитировать, чтобы я взялся председательствовать. Сказал мне, что райкомом вынесено решение колхоз «За коммунизм» в мае месяце передать в совхоз. Тебе говорит, и поработать придется всего месяца три. Он знал, что председателем я работать не могу по инвалидности, но и я знал, что народ мне доверяет и знает меня хорошо. Я и согласился, на три то месяца, думаю, ничего страшного. После перерыва Погребной выдвинул вместо себя мою кандидатуру, народ согласился и проработал я на этой должности вместо 3-х месяцев 29 лет. На второй день работы я узнал, что Погребной меня обманул, никакого решения о передаче колхоза в совхоз не было, а первый секретарь райкома Воробьев Д.П. сказал, «попробуй, а там видно будет, что же, опять собрание собирать, народ баламутить». Когда стал знакомиться с положением дел в принятом мною колхозе, то оказалось, что семян для посевной нет, в госбанке одни долги, а главное, что на 1 марта кормить общественное стадо нечем. Раскрывали последние крыши (они соломенные были). Главной задачей было дотянуть скот до весны. По распоряжению Д.П.

Воробьева, колхозу была оказана помощь комбикормами, а солому мы возили с подсобного хозяйства с полигона. Там под снегом не застогованные копны лежали. Таким образом, и сохранили скот до весны. На весенний сев семена дали в ссуду и при помощи Стругокрасненской МТС провели посевную. В то время техника была при МТС и они обслуживали колхозы за соответствующую плату. Настала пора заготовки кормов. До этого колхоз план по заготовке никогда не выполнял, и зимой начиналась бескормица. У колхозников в личном хозяйстве кормов тоже было мало, поскольку колхозный скот кормами не обеспечивали, то и на свой косить не разрешали до поздней осени. Косили часто перед самой зимой, уже по морозам. Кто из руководителей нарушал принцип – «Сначала обеспечить колхоз, потом себя» привлекали к уголовной ответственности за разбазаривание государственного имущества, а под снег уходило множество не убранных покосов. Посоветовавшись с Д.П. Воробьевым, мы решили организовать заготовку сена (тогда основным кормом для скота было сено, использовали и солому, силос вообще не заготавливали) индивидуальным способом, по хозяйствам. Это был риск, тогда подобные методы не поощрялись, приветствовался только коллективный труд. Собрал я общее собрание колхозников, и предложил им заготавливать сено по хозяйствам на проценты. Создаем, значит комиссию, делим все покосы по хозяйствам и каждое хозяйство заготавливает сено самостоятельно, а осенью обмеряем стога и выдаем колхозникам третью часть заготовленного сена, а две трети остаются для общественного скота. Колхозники на это не согласились. Заявили, что не верят в эту затею, никто не разрешит председателю колхоза отдать одну треть заготовленного сена колхозникам, все колхоз отберет. А если председатель все же и выдаст сено для личного скота, то как уже не раз бывало, пойдет в тюрьму, за разбазаривание государственной собственности. Неделю я по бригадам собрания проводил, людей уговаривал. Первыми начали покос в бригаде Жидишино. Замечательные там люди жили, труженики – Васильев Алексей Михайлович, Васильев Павел Михайлович, Михайлов Тихон Михайлович. Взятся за косу и сам бригадир – Петров Михаил Иванович. В 5 утра уже все косят, потом стогуют до темна. Работали как в единоличном хозяйстве. Потом и остальные бригады втянулись в заготовку сена семейным способом. Народу в то время на селе много было, да и городские стали помогать своим родственникам. Результат – в сентябре все сено было принято, а колхозникам выданы проценты. Сена для колхозного скота было заготовлено вдоволь, даже соседям продавали, продуктивность животноводства увеличилась. И личный

скот тогда впервые обеспечили сеном на всю зиму. А главное, был преодолён психологический барьер, народ начал относиться к работе по настоящему, по крестьянски. Удалось повысить производительность труда. Лучше чем обычно провели уборку урожая. Посевы льна мы закрепили по звеньям и объявили, что каждое звено будет рассчитано по результатам работы. Люди стали верить правлению колхоза. В колхозной кассе появились деньги. За 1958 год колхоз полностью рассчитался с государством по всем видам поставок. Засыпал семена для будущего сева. А на трудодень людям выдали по 1 кг. зерна и 2 руб. деньгами. Многие стали увеличивать поголовье личного скота. В это же время партией проводилась работа по укрупнению хозяйств, которая, я считаю, сыграла отрицательную роль в сельскохозяйственном производстве страны. Коснулось это мероприятие и нас. Объединили три колхоза – За коммунизм, Машутино, Большевик и создали колхоз им. Ленина. Председателем избрали бывшего председателя колхоза Большевик Лаврентьева Сергея Исаевича, меня, его заместителем по животноводству. Но вскоре меня забрали в район, на должность инспектора по заготовкам, я там 5 месяцев отработал, а 28 октября 1961 года на общем колхозном собрании я снова был избран председателем колхоза им. Ленина. Вопрос на собрании стоял не об отчете правления колхоза, а о драматическом положении, создавшемся в колхозе. В то время колхозники работали не за трудодни, а уже за деньги, которые им не выплачивало правление в течении шести месяцев. Трудовая дисциплина в колхозе упала, под угрозой гибели был урожай, особенно льна, основного источника денежных доходов колхоза. В связи со сложившейся ситуацией люди стали просить меня возглавить хозяйство. Я дал согласие. Лаврентьева С.И. отстранили. В несколько дней мы успели убрать лен со стлищ, организовали его переработку на волокно, весь переработали и сдали государству. Полученных за лен денег хватило рассчитаться с долгами перед государством и госбанком. Полностью выплатили зарплату и все, на новый сельскохозяйственный год не осталось и копейки. Райком тогда рекомендовал мне не выплачивать долг по зарплате за полгода, а оставить деньги на нужды колхоза в будущем году. Я не согласился, нужно было снова завоевывать доверие народа, а если выйдет, то вместе можно будет и любые задачи решать успешно. Все мои расчеты в дальнейшем оправдались. За 10 лет существования колхоза им. Ленина хозяйство стало одним из лучших не только в районе, но и в области. Значительно выросли урожаи зерновых, картофеля, льна. Выросла продуктивность животноводства, надои составили 2700-2900 литров от коровы и это

только на своих кормах, концентратов колхозу не давали ни грамма. Свиноферму мы содержали в основном на картофеле, которого на фураж засыпали ежегодно не менее 1000 тонн и кормили его свиньям только в вареном виде. Своевременно и с большим перевыполнением колхоз рассчитывался по всем видам поставок с государством. Кредитами мы не пользовались вообще, жили только на свои деньги. Хорошую прибыль получали за лен, план сдачи которого льноволокном ежегодно выполнялся до 7 ноября, да еще до марта месяца перерабатывали и сдавали сверх плана. В этом деле конечно большую роль играли льноводческие звенья. Каждое выращивало, перерабатывало и сдавало лен самостоятельно, что требовало большой ответственности, самостоятельности и порядочности. С ними и расчет был соответствующий, по каждому звену отдельно. Бывало, прихожу в правление к 7 утра, а звено на льноагрегате всю работу, к обеду у них лен уже переработан на волокно. К 8 марта, обычно вся работа со льном была закончена, тогда и праздновали всем колхозом Женский день и окончание сельскохозяйственного года. Весело было...

Многое было сделано по механизации трудоемких процессов, особенно в животноводстве. Раньше доярка ухаживала 12 коров, в обязанности входило: дойка, уборка навоза, поение (воду носили из пруда на себе), кормление – все в ручную, труд тяжелый. Потом на фермах сделали автоматическое поение и механизировали уборку навоза. За каждой дояркой уже было 25 коров. Стали внедрять механическую дойку. Многие процессы стали механизированными и в полеводстве. Основная заслуга механизации принадлежала главному механику колхоза Юдину Петру Николаевичу, очень много он сделал для народа, для облегчения его труда в колхозе. А образования Петр Николаевич не имел никакого, простым шофером был, трактористом. Но мастер был на все руки. Очень большим уважением он у народа пользовался за его добропорядочность, трудолюбие и честность. В 1968 году в ночь с 15 на 16 июля он трагически погиб, молодой совсем был. За годы его работы колхоз одним из первых был электрифицирован.

Легко мне было работать председателем. Народ трудился добросовестно, трудовая дисциплина была отличная, во всем порядок. Да и народ знал, как поработаем, так и жить будем. Каждый был заинтересован в результатах своего труда, а еще, не утрачена у народа тогда была крестьянская жилка.

Но вспоминаются и мрачные деньки, пережитые в те годы. Кукурузная эпопея, например, когда заставляли выпаживать клевера и сеять кукурузу. Имел я за это строгий выговор по партийной линии, чуть с работы не выгнали, не согласился я клевера выпаживать. Еще компания по сокращению скота в личном подворье колхозника, были и другие эксперименты, навязываемые нам сверху. Ликвидированы МТС. Все трактора и сельхозмашины проданы колхозам и совхозам, в результате все хозяйства попали в финансовую кабалу, из которой многие так и не выбрались. Дошло до абсурда. Объединили Стругокрасненский, Плюсский и Гдовский районы. Попасть в Гдов нужно было ехать через Псков, это 200 с лишним км., в Плюсску ехали через Цапелюку, тоже больше 100 км. Зачем это было сделано я и теперь не понимаю. Многие хозяйства стали неуправляемые, нарушился контроль. Потом где-то наверху спохватились и решили раскручивать в обратную сторону - разукрупнять район и хозяйства. Создали опять три района, которые до этого существовали. У нас в районе задумали разукрупнить совхоз Авангард. В декабре 1970 года был создан совхоз Пламя на базе колхоза им. Ленина, к которому присоединили бригады совхоза Авангард, Пламя, Бровск и Обод. Вообще в то время в стране осуществлялась очередная компания по созданию колхозов и совхозов. Много было в районе, да и в области так называемых «лежачих» колхозов, их стали переводить в совхозы, но в совхозы стали переводить и хорошие, крепкие колхозы. Считаю, что это делалось очень не разумно. Когда наши колхозники узнали о том, что у нас совхоз создается, все были очень недовольны, и общее колхозное собрание по этому вопросу проходило очень трудно, люди не желали идти в совхоз. Но решение было принято правительством, никто нашего согласия не спрашивал и был образован совхоз Пламя. Та же судьба постигла и колхоз Первомайский, им руководил Вдовин Александр Иванович, замечательный организатор. Под его руководством колхоз так же был в числе лучших хозяйств района. Сильным был колхоз Молодецкий, которым руководил Смагин Федор Васильевич. Такие колхозы переводить в совхозы было очень не разумно, и жизнь это подтвердила. Совхоз, это такая организация сельскохозяйственного производства, где у людей совершенно отсутствует чувство заинтересованности в судьбе урожая, в развитии хозяйства, его экономического совершенства. В совхозе господствовал принцип – отпахал, получил зарплату, а там хоть трава не расти. В колхозах же хоть немного, но теплилась крестьянская закваска. Но самая лучшая и самая совершенная в сельском

хозяйстве организация труда – это единоличное хозяйство. Там производительность, как правило, в 4-5 раз выше, чем в самом хорошем колхозе или совхозе.

Что из себя представлял вновь образованный совхоз Пламя? В присоединенных к нам бригадах не было ни одной путной животноводческой фермы, все разваливалось, рабочих людей было мало, дорог никаких. Встала задача строить заново совхоз. Директором назначили меня, и проработал я на «новой» должности 17 лет. Основная тяжесть всех работ пала на бывший коллектив колхоза, ставший костяком хозяйства. Начали мы со строительства животноводческих ферм. Заново отстроили свиноферму в бригаде Пламя и увеличили поголовье поросят с 3000 голов до 11500. Построили коровник в д. Пятчино на 200 голов, коровник в д. Обод на 100 голов, произвели реконструкцию в деревнях Прусси и Машутино. В д. Пятчино построили телятник на 200 голов. В общем, за 5 лет вопрос с животноводческими помещениями в совхозе был решен. Большую помощь в этих делах нам оказал Псковский трест свиноводческих совхозов области, куда входил и наш совхоз. Директором треста работал Силаев Анатолий Николаевич – замечательный специалист, зоотехник по образованию, хороший организатор, человек с большой буквы. Коллектив треста состоял из грамотных работников, много делавших для развития свиноводства в области. Внедрялись передовые технологии, механизировался трудовой процесс, много строилось свиноводческих комплексов. К концу 70-х у нас в совхозе начал ощущаться недостаток рабочей силы. Встал вопрос о строительстве жилья и объектов социально-культурного быта. Государство помогло совхозу со строительством дорог. В районе для этого был образован небольшой отряд, который впоследствии вырос в мощное предприятие ПМК-10 возглавлял его Шматов Юрий Анисимович. Он добился от своих подчиненных такого качества работы, что объекты сдавались без единой недоделки. Это тогда было очень редкое явление среди государственных подрядчиков. Обычно объекты под нажимом РК КПСС сдавались с большими недоработками, которые в последствии даже не исправлялись. Наша задача состояла в том, чтобы своевременно обеспечивать ПМК-10 проектно-сметной документацией. С задачей мы справлялись успешно, поэтому в нашем совхозе строительство дорог шло значительно быстрее, чем в других хозяйствах района, и за 4-5 лет все бригады совхоза были обеспечены хорошими дорогами, а дорога Страшево – Березица – Бровск (8 км.) имела асфальтное покрытие. Силами ПМК-255 было построено два 16-ти квартирных дома. Руководил

ПМК-255 в то время Кузьмин Евгений Михайлович – замечательный строитель, много сделавший по строительству, как в поселке, так и в районе. Он же построил у нас самый большой объект – завод силикатного кирпича. Остальные объекты в совхозе мы строили хозяйственным способом. В год сдавали по 8-12 квартир в одна и двух квартирных домах. Была построена контора совхоза, детский сад, школа, магазин, бани на 56 мест. Центр совхоза – деревня Пятчино была заасфальтирована и превратилась в благоустроенный поселок. К нам ото всюду поехал народ, так решился вопрос с кадрами. Строительными вопросами в совхозе занимались директор совхоза (на 50%) и два прораба – Барышев Алексей Михайлович и Павлов Анатолий Алексеевич. Хорошие специалисты, честные, трудолюбивые, оба окончили Псковский строительный техникум, а Павлов А.А. в дальнейшем закончил заочно строительный институт. В год мы осваивали до 650 тысяч рублей стройматериалов. Работа с этими прорабами у нас шла слаженно, мы друг друга понимали с полуслова. Совхоз наш по строительству занимал первое место в районе среди остальных хозяйств, а в начале 80-х ведущее место и по производству сельхозпродукции, да и не только в районе, а и в области. Необходимо отметить большой вклад в развитие совхоза главного инженера хозяйства Иванова Валентина Алексеевича, главного инженера –электрика Федорова Анатолия Павловича и бригадира бригады МТР Куприянова Виктора Владимировича. Этими специалистами много делалось по механизации всех процессов, как в животноводстве, так и в растениеводстве. У нас первых в районе на всех фермах были установлены молокопроводы и холодильники. Хорошим специалистом у нас была ветврач Фролова Антонина Сергеевна. Благодаря ее честному и добросовестному труду свиноферма нашего совхоза была одной из лучших в области. Нельзя не вспомнить Григорьеву Людмилу Алексеевну – лучшего бригадира совхоза. В ее ведении была бригада №6 – деревни Бровск, Заозерье, Ольгино. Много в совхозе работало замечательных тружеников, во всех отраслях хозяйства, многие были награждены орденами и медалями за доблестный труд в сельском хозяйстве: доярки МТФ д. Прусси – Григорьева Зинаида Егоровна, Иванова Антонина Кондратьевна и Егорова Мария Тарасовна. Коллектив свинок фермы Пламя – Богданова Прасковья Ивановна, Федотова Клавдия Александровна, Филиппова Анна Александровна, Тимофеева Антонина Петровна. Рабочие полеводства – Романова Зинаида Андреевна, Романова Валентина Николаевна и многие другие животноводы, полеводы и механизаторы совхоза.

Вот так и пришлось мне, если разобраться, три раза одно и то же хозяйство поднимать. Первый раз в 1958 году колхоз «За коммунизм», в 1961 колхоз им. Ленина после его образования в результате укрупнения, а затем в 1970 совхоз Пламя. Людям спасибо за труд, за помощь, за то, что поверили...

А с 1980-х совхоз стали душить экономически, давали непосильные планы, не подкрепляя их материальными ресурсами. Политика ведения сельского хозяйства была такова – «Кто везет, на того и валят». А таких «бурлаков» в области были единицы, и они, конечно, не могли тянуть сельскохозяйственное производство за всю область, в результате сельское хозяйство области стало падать.

Работать мне с каждым годом становилось все тяжелее, здоровье стало подводить, ведь войну я закончил инвалидом II группы. В декабре 1985 на комиссии ВТЕК мне восстановили группу, я подал заявление и 15 марта 1987 года был освобожден от должности директора совхоза Пламя по состоянию здоровья.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

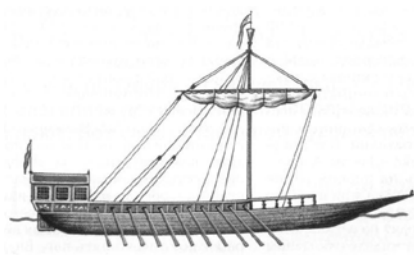
Я глубоко убежден, что проведенные партией в 1930- годах коллективизация и раскулачивание – это преступление перед крестьянством и сельскохозяйственным производством.

После смерти Сталина на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 года встал вопрос о подъеме сельского хозяйства страны. Если бы тогда землю раздали крестьянам в личное пользование, и были восстановлены крестьянские хозяйства, уже через несколько лет было бы изобилие продуктов и сырья для легкой промышленности. Но был взят ошибочный путь создания колхозов и совхозов. Теперь мы пожинаем плоды этой ошибки. В такой стране как наша, имеющая половину мировых черноземов, пустые полки в магазинах. Пока не будут восстановлены единоличные крестьянские хозяйства, фермы, не будет обрабатываться земля, в стране будет голод. И если бы в 1953 году восстановленные крестьянские хозяйства решили бы проблему за несколько лет, то сейчас на это потребуются десятилетия. Хозяйственник земле нужен толковый, как раньше крестьянин-единоличник. Говорю так, потому, что за 29 лет работы убежден в этом. Колхоз и тем более совхоз это не то, что сейчас нужно стране.

Приказно-совхозная система имеет три главных фактора, которые не только не дают развиваться производительности труда, а наоборот тормозят экономическое процветание сельского хозяйства.

1. У крестьянина нет заинтересованности в конечном результате своего труда. В колхозе–совхозе он получает зарплату не по факту произведенной продукции, день отработал и, слава Богу. А ведь крестьянский труд он особый, человек душу вкладывает в то, что делает, в то, где трудится. Вот и думай, случайно ли на таких участках и урожай в разы больше и поголовье скота здоровее и молочка корова у частника больше дает, чем в том совхозе.
2. Руководитель толковый это 90 % успеха хозяйства. Добросовестный человек стоит во главе хозяйства – каждый год экономика растет. А сменится в этом хозяйстве руководитель, смотришь, и под гору хозяйство катится. За свой век я хороших руководителей немного встретил, единицы можно сказать. Большинство эти должности занимали непорядочные, заботящиеся о своем кармане или того хуже – пьяницы.
3. Сколько кормиться дармоедов около колхозов и совхозов, я начальство разное имею в виду, всяких рангов. Начиная от районных и до московских. Ведь именно они сейчас выступают против фермерства, а причина одна – боятся кормушку потерять, знают, что крестьянин-фермер кормить их не станет. Революция в сельском хозяйстве необходима, другого пути нет. Возродить крестьянское хозяйство надо, разрушенное коллективизацией. Путь долгий, много десятилетий пройдет до того как наш крестьянин, и наша земля начнут страну нашу кормить. А нам надо народ сейчас кормить. Поэтому в настоящее время надо поддерживать всех, кто на земле работает – колхозы, совхозы и крестьянские хозяйства, отдавая приоритет последним.

Написано в 1991 году.

Павленко М. А.

Струго-Красненская земля в первой половине XX века по материалам Государственного архива Псковской области

До революции существовало следующее административно-территориальное деление Российской империи. Империя делилась на губернии, они на уезды. Во второй половине XIX века в связи с проведением крестьянской реформы 1861 года выделены волости. Основываясь на этом делении Хмеро-Посолодинская волость, входила в состав Лужского уезда и состояла из сельских обществ.

Постановлением Президиума ВЦИК от 1 августа 1927 года «О границах и составе округов Ленинградской области» определен их состав.

Одновременно в составе Ленинградской области образован Лужский округ (центр город Луга), в который и вошли Плюсская и Струго - Красненская волости.

В описании фонда есть указание, что существовавшая до революции Хмеро-Посолодинская волость декретом была образована из двух волостей, без сноски на литературу.

«Ко времени Великой октябрьской революции Лужский уезд в числе двадцати пяти волостей входил в состав Петроградской губернии.

Декретом ВЦИК от 14 февраля 1923 года Хмеро – Посолодинская волость была образована из Хмерской и Посолодинской волостей. Датой образования исполнительного комитета Хмеро – Посолодинского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов предположительно служит дата образования волости.

В 1923-1927 годах работа Хмеро – Посолодинского Волостного Исполнительного комитета (ВИКа) велась по отделениям: земельным, культурно – просветительным, здравоохранению, военным и отдел ЗАГСа.

Позднее 7 февраля 1927 года постановлением Президиума: «Хмеро – Посолодинская волость присоединена к Плюсской волости и при районировании вошла в состав Плюсского района»¹.

¹ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Л. 4.

Всеми делами в волости занимается волостной исполнительный комитет, сокращенно ВИК, который находился в «бывшем имении Буре в 65 верстах от города Луга, волостным ЗАГСом обслуживалось 9806 человек»².

В деревнях волости находились сельсоветы: Дубровский, Машутинский, Овинецкий, Курский, Вязковский, Игомельский, Полуяковский, Пятчинский, Посадницкий, Плюсский. В каждом сельсовете имелся стол ЗАГСа, в котором регистрировались все акты гражданского состояния.

В состав Хмеро-Посолодинской волости на рассматриваемый нами период входили следующие населенные пункты: Посадницы, Луг-Манкошев, Машутино, Страшево, Пятчино, Дубровка, Полуяково, Посолодино, Курско, Вязка, Игомель.

Основываясь на архивном фонде Р-1250 можно выявить состав населенных пунктов данной волости.

Таблица №1
Перечень сельсоветов Хмеро – Посолодинской волости в 20-е годы XX века³

	Сельсовет	Место расположения	Удаленность от ВИКа	Сколько человек обслуживал
	Посадницкий	Деревня Посадница	25 верст	755
	Плюсский	Луг - Манкошев	23	742
	Машутинский	Машутино	12	1069
	Страшевский	Страшево	18	947
	Пятчинский	Пятчино	15	544
	Дубровский	Дубровка	15	875
	Полуяковский	Полуяково	9	738
	Овинецкий	Посолодино	9	1190

² ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 14. Л.9 - 10.

³ Таблица №1 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р – 1250. Оп. 1 Д. 14 Л. 10

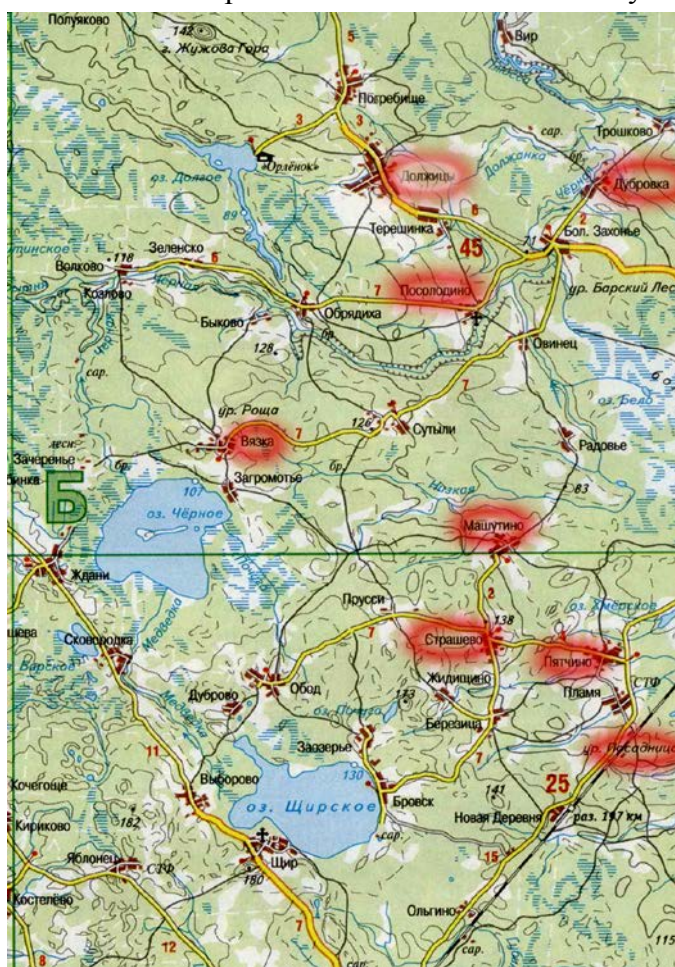
	Курский	Курско	25	514
	Вязковский	Вязка	9	1035
	Игомельский	Игомель	18	1124
			Итого:	9533

В перечисленных населенных пунктах находились сельские советы, которые подчинялись Волостному исполнительному комитету.

Исполнительный комитет находился там же, где Волостной сельский совет.

Центр был в имении Буре, расположенном в 22 верстах от станции Плюсса и в 65 верстах от Луги. Сохранилось дело, в котором есть описание того, что было в имении «дом, три бывших людских, каменный скотный двор, бывший манеж, хлев, каменная зерносушилка, два сарая, хлебный амбар»⁴. Судя из описания данная территория пригодна для размещения волостного сельского совета, поскольку, было хорошо обустроено. Расположение этого сельского совета, видимо, было обусловлено именно удобством, поскольку, хоть все сельские общества и располагались на небольшом расстоянии, но Должицы находились севернее всех остальных сельских советов. Форма волости вписывается в треугольник с центром в Машутино.

На территории Хмеро – Посолодинской волости расположено

⁴ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1 Д. 1 л.111

множество старинных имений, сведения о которых имеются в архивном фонде Р-1250.

Таблица №2.
Имена Хмеро – Посолодинской волости в 20-е годы XX века⁵

Название имения и имя владельца	Расстояние от станции ж/д	Земельный надел	Постройки	Судьба имения после революции
имение Переволоки	6 верст от станции Плюсса	«20 десятин земли: 13 десятин удобной и 7 десятин неудобной. В том числе 6 десятин суходольного сенокоса».	«большой барский дом, хозяйственный людской и хлебный амбары, навес для дров, сарай, хлев, ледник, рига и гумно, один сенной сарай, дом – дача и маленький хлев».	«вся земля имения Девичье распределена на хутора, согласно постановлению Хмерского Волисполкома, от 29 октября 1922 года и постановления Лужской уземкомиссии от 6 октября 1922 года».
		Итого: 20 десятин	Итого:390 рублей	
имение Девичье	«в 15 верстах от станции	51 десятина удобной и 49 десятин	« К числу недвижимого имущества	Граждане Олло и Соокикас в 1924 году, 4 июля

⁵ Таблица №2 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р-1250. Оп.1 Д.1 л. 1, 90, 94 -94 об., 98, 99, 102 -102 об., 106-106об., 107, 110-110 об., 111, 114 -114 об., 122 -122 об.; Д. 15 л. л. 1

	Плюсса».	неудобной. В том числе 23 десятины – пахотной земли, суходольного сенокоса – 14 десятин, лесного сенокоса – 14 десятин.	принадлежали: барский дом, дом бывшего управляющего, бывший молочник, каменный двор на пятьдесят голов».	заключили договор об аренде сада, находящегося в данном имении (см. с. 58 - 60 об аренде сада).
		Итого:100 десятин	Итого:355 рублей	
имение Фишера	В 20 верстах от станции Плюсса	«Всего 327 десятин земли;154 десятины удобной и 173 неудобной. В том числе: пахотной – 60 десятин, сенокос суходольный – 87 десятин, леса – 173 десятины».	Постройки: «большой дом, каретный сарай, каменный скотный двор, свинарник, каменный амбар, рига и гумно, два сарая, домик-библиотека, баня рабочая, дом-молочная, два ледника, баня и прачечная, курятник, двор деревянный, домик рабочий, три избушки, два хлева».	После революции земля имения Фишера была распределена на хутора и отруба.

		Итого:327 десятин	Итого: 1780 рублей	
Имение Залазы (находилось в районе современной деревни Пламя)	находилось в 12 верстах от станции Плюсса	Всего земли – 78 десятин: «68 удобной и 10 неудобной. В том числе: пахотной – 25 десятин, сенокоса – суходольного – 36 десятин, зарослей – 15 десятин».	Дом.	После революции «вся земля распределена в бывшем имении Залазы на хутора согласно распоряжению Лужского узлууправления от 27 апреля 1922 года и землеустроены на хутора в 1922 году».
		Итого:78 десятин	Итого:150 рублей	
имение Захонье	В 14 верстах от станции Плюсса	Земельный фонд всего 6 десятин, в том числе 2 десятины пахотной земли, 1 десятина дровяного леса.	«большой двухэтажный дом, одноэтажный хозяйственный дом, сарай осиновый, ледник, хлев, бывшая людская, баня».	Земля находилась в пользовании Больше-Захонской школы повышенного типа, а также и все постройки, находившиеся в бывшем имении Захонье, также заняты школой».

		Итого:6 десятин	Итого:765 рублей	
Имение Буре	в 22 верстах от станции Плюсса	Земельный фонд равен 150 десятинам: 50 десятин удобной и 100 десятин неудобной. В том числе 5 десятин лесного сенокоса, 25 десятин дровяного леса и 75 десятин зарослей.	Земля бывшего имени я Буре распределена на хутора согласно постановлению Посолодинского волисполкома от 12 апреля 1922 года».	Постройки: «дом, три бывших людских, каменный скотный двор, бывший манеж, хлев, каменная зерносушилка, два сарая, хлебный амбар».
		Итого:150 десятин	Итого:755 рублей	
имение Черкасово	В 27 верстах от Плюссы	Всего имелось 4 десятины удобной земли, из них две с половиной десятины суходольного сенокоса.	Дом.	«Одной десятиной земли пользовалась гражданка деревни Козлово Елизавета Калачева по постановлению Хмеро – Посолодинского Волисполкома от 4 апреля 1923 года».
		Итого:4 десятины	Итого:50 рублей	

Имение Высокогорское	В 10 верстах от станции Плюсса	Земли имелось 109 десяти: 40 удобной и 68 нет. В том числе 27 с половиной десятин пахотной земли, суходольного сенокоса – 12 десятин, дровяного и строевого леса – 68 десяти.	Из построек в имении: «двухэтажный дом, жилое помещение 8 на 3, жилое помещение 3 на 3, скотный двор, свинарник, рига и гумно, три сарая».	После революции земля распределена между гражданами, проживающими в имении.
		Итого:109 десятин	Итого:468 рублей	

Демографические процессы, происходившие в волости можно проследить по материалам статистики актов гражданского состояния. Единственными сохранившимися источниками по 1925-26, 1927 годам.

В архивном фонде Р-1250 имеются данные о количестве зарегистрированных актов гражданского состояния при ВИКе и Сельсоветах Хмеро – Посолодинской волости.

Самым интересным моментом описания демографической ситуации является соотношение рождаемости и смертности.

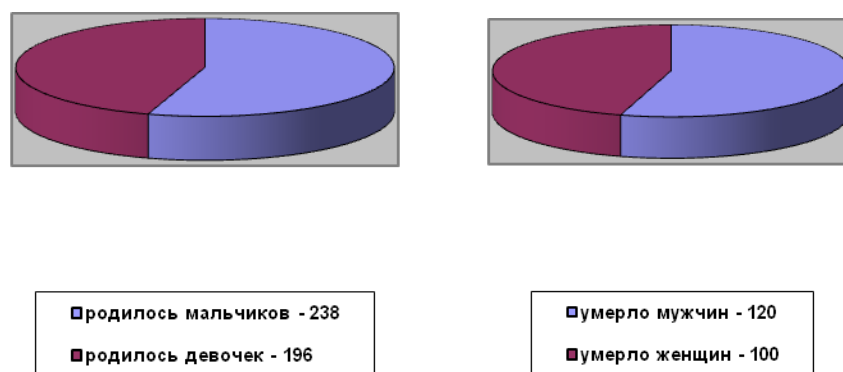
Интерес представляет единственный сохранившийся документ о рождаемости и смертности за 1925-26 года. Родилось 434 ребенка, умерло 320 человек. Можно отметить положительную динамику рождаемости, то есть рождаемость превышает смертность на 17%.

Обратимся с точки зрения гендерного подхода. Если до революции по Лужскому уезду отмечается преобладание женского населения над мужским, то данная тенденция не сохраняется. Так как процент мальчиков к общему числу родившихся составляет 54%.

Данные являются относительными, так как не ясно, входила ли в это число детская смертность.

Диаграмма №1

Рождаемость и смертность в Хмеро – Посолодинской волости за 1925-26 г.г.⁶

Зарегистрировано 104 брака и 5 разводов. Таким образом, почти на 20 браков приходится один развод.

Число родившихся превышает численность умерших – 434 к 220, почти в два раза. Следовательно, демографических проблем нет. Данных о детской смертности в деле нет.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 года в Псковской области наблюдается снижение численности населения Струго-Красненского района до 13466 человек, что на 3113 человек меньше, чем было зарегистрировано в 2002 году⁷.

Сельские советы принимали распорядительные решения, а волостной комитет реализовывал то, какие решения принимала волость. Одной из функций, которую взяли на себя ВИК и сельские советы Хмеро-Посолодинской волости – регистрация актов гражданского состояния.

Раньше до революции вопросами регистрации браков, разводов, смертности и рождаемости занималась церковь.

К сожалению, сохранилась статистика только за два первых месяца 1927 года. Соотнести эти данные с данными предыдущего года не представляется возможным.

⁶ Диаграмма №1 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р – 1250. Оп. 1 Д. 14 Л.52, 53, 61, 63

⁷ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ПО Псковской области// http://pskovstat.gks.ru/vpn2010/DocLib6/Nas111223_21.htm 17.02.2012 15-49

Таблица №3
Регистрация актов гражданского состояния в сельсоветах Хмеро –
Посолодинской волости за 1927 год⁸

Вот данные на январь 1927 года:

Наименование ЗАГСов	Рождение		Смерти		Брак	Развод	Справки
	М	Ж	М	Ж			
Хмеро- Посолодинский ВИК	3	9	2	6	12	1	4
Дубровский с/с	-	1	-	-			
Машутинский с/с	3	4	-	-			
Овинецкий с/с	-	1	-	1			
Курский с/с	-	1	2	-			
Вязковский с/с	2	3	1	-			
Игомельский с/с	1	-	-	-			
Полуяковский с/с	-	1	1	-			
Пятчинский с/с	1	4	1	-			
Посадницкий с/с	-	1	-	-			
Плюсский с/с	1	1	1	1			
Страшевский с/с	Не вели актов регистрации до марта месяца.						
Всего:	11	26	8	8	12	1	4

⁸ Таблица №3 составлена автором на основе данных ГАПО. Оп. 1 Д. 14 Л.52, 53, 61, 63

Данные на февраль 1927 года:

Наименование ЗАГСов	Рождение		Смерти		Брак	Развод	Справки
	М	Ж	М	Ж			
Хмеро- Посолодинский ВИК	14	3	3	4	28	5	13
Дубровский с/с	1	2	-	-			
Машутинский с/с	1	2	1	1			
Овинецкий с/с	-	3	3	2			
Курский с/с	3	-	1	3			
Вязковский с/с	-	3	4	2			
Игомельский с/с	4	1	2	2			
Полуяковский с/с	1	1	-	-			
Пятчинский с/с	Не было актов регистрации за февраль.						
Посадницкий с/с	-	-	1	-			
Плюсский с/с	1	-	1	2			
Страшевский с/с	Не вели актов регистрации до марта месяца.						
Всего:	25	15	16	16	28	5	13

Можно рассматривать по проведению актов. Выясняется, что Страшевский сельский совет не вел актов регистрации за эти месяцы. Не ясно, либо по отсутствию

необходимости, либо обращении населения данного сельского совета в волостной сельский совет, который был на расстоянии 18 верст, либо не было людей.

Возможно, по таким же причинам осуществлялась деятельность и в Пятчинском сельском совете.

Преобладает регистрация не в сельских советах, а в Волостном Исполнительном комитете.

За период с января по февраль увеличилась рождаемость. Наблюдается естественный прирост населения. На окраинах волости рождаемость ниже, чем в центре. Больше, чем в два раза возросло количество браков, число разводов гораздо меньше. Если в январе на 12 браков приходится один развод, то в феврале почти на шесть браков один развод.

Всего за 1927 год зарегистрировано при Волисполкоме и сельсоветах: «97 рожденных – 52 мальчика, 43 девочки; 44 смерти – 20 мужчин, 24 женщины, 12 браков, выдано 7 справок, не зафиксировано ни одного развода»⁹.

Не смотря на наличие графы о происхождении детей, в нее не вносились данные в сводной таблице.

Справки выдавались, их количество не соответствовало количеству действий, следовательно, необходимость в общении извне была не велика, раз их количество небольшое.

Дела о расторжении брака решались Народным судом, могли быть обжалованы в вышестоящих инстанциях, решение вступало в силу в течение двух недель. Например, имеются данные об обращении в суд города Ленинграда граждан Хмеро – Посолодинской волости, поскольку после ЗАГСА волостного исполнительного комитета это будет высшая инстанция: «Народный суд 14 отделения города Ленинграда в открытом судебном заседании от 8 декабря 1926 года в городе Ленинграде, заслушал и рассмотрел гражданское дело за №21801-26 по иску Нейман Августа Яковича к Нейман Матильде – Зинаиде Михайловне о расторжении брака и принимая во внимание просьбу истца, руководствуясь 220 – 225 статьями ГПК СУД Определил: Расторгнуть брак Нейман Августа Яковича с Нейман Матильдой – Зинаидой Михайловной с сего числа, заключенный 9 мая 1925 года в ЗАГСе Хмеро – Посолодинского ВИКа, оставив супруге фамилию девичью «Юксар». Детей от брака не имеется. Решение подлежит исполнению по истечению четырнадцати дневного кассационного срока, причем может быть обжаловано в кассационном порядке в Ленингубсуде»¹⁰. Нужно отметить, что это не рядовой случай, а скорее, исключение.

⁹ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 4. Л.76.

¹⁰ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 16. Л.1.

Браки могли быть расторгнуты по желанию одной стороны, рассматривалось дело так же народным судьей. Если имеется ребенок, то жена может через Народный суд взыскать с мужа содержание (алименты) на ребенка. В подтверждении этого можно привести следующий пример:

«Председателю Посадницкого сельсовета на №66. Хмеро – Посолодинский ВИК предлагает Вам объяснить гражданке деревни Селище Макаровой Прасковьи Ивановне, что согласно существующему (нового закона) о браке семьи и опеке, брак может быть расторгнут при одностороннем заявлении, что же касается имеющегося от гражданина Макарова ребенка, то она может взыскать содержание (алименты) через Народный суд. От того, что она не примет вручаемого свидетельства о прекращении брака – дело не изменится, брак расторгнут на основании существующего закона, так что отношение Ваше по поводу непринятия свидетельства гражданкой Макаровой посылать в Центральный ЗАГС (место расторжения брака) нет оснований»¹¹.

Таким образом, дела о расторжении браков рассматривались судом, но фиксировались Волостным исполнительным комитетом.

«Народный судья третьего участка Лужского уезда в открытом заседании от 18 февраля 1927 года заслушал и просмотрел гражданское дело за № 2159 по иску: Баранова Василия к Барановой Анне о расторжении брака. И принимал во внимание, что поводом к расторжению брака служит желание одной стороны, а посему и за силой статьи 86-87 К.А.Г.С. Определил: Брак, заключенный между гражданами Барановыми Василием и Барановой Анной зарегистрированный в Хмеро – Посолодинском ВИКе от 22 мая 1925 года за № 92 считать расторгнутым»¹².

Хмеро – Посолодинская волость в двадцатом веке после Октябрьской революции в тридцатые годы была экономически развитой.

Основными статьями доходов волостного правления были: арендные договоры с населением, взимание штрафов и взысканий с граждан, а также налогов.

Так как в волости были распространены случаи аренды населением земель и озер, то данную статью доходов разумнее будет рассмотреть отдельно, а здесь следует просто упомянуть, что практика аренды в волости существовала.

Одной из статей доходов были штрафы, которые взимались с нарушителей. Самым распространенным нарушением была – незаконная вырубка леса. Сумма штрафа, видимо, зависела от объема вырубленного леса, но точных данных мы не имеем.

В архивных материалах встречается следующие упоминания о штрафах за незаконную вырубку леса. Например, в «феврале 1925 года семнадцать граждан уличены

¹¹ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 16. Л.8.

¹² ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 16. Л.11.

в самовольной вырубке леса. Штраф 348 рублей 77 копеек»¹³. В среднем один нарушитель заплатил 20 рублей 50 копеек. Имеется упоминание о том, что «гражданина деревни Сазоново Воронцова Василия, крестьянина оштрафовали в 16 рублей 30 копеек за незаконную порубку»¹⁴. Если говорить о социальном положении оштрафованных граждан, то ВИК сообщает, что «за июль, август, сентябрь 1926 года было оштрафовано 10 крестьян на сумму – 180 рублей»¹⁵. Средняя сумма штрафа составляла, таким образом, 18 рублей.

К гражданам применялись и административные взыскания. «ВИКом за октябрь, ноябрь и декабрь 1926 года было оштрафовано 74 крестьянина на сумму – 540 рублей 48 копеек. Из них 8 лиц освобождено по малолетству и неплатежеспособность, три дела направлено в Нарсуд по подсудности»¹⁶. Если учитывать, что штраф из 74 оштрафованных лиц, платили только 66, поскольку восемь из них были неплатежеспособны ввиду малолетства, то в среднем каждый заплатит по 8 рублей 19 копеек.

В архивном фонде сохранились сметы местных доходов по Хмеро – Посолодинской волости Ленинградской губернии на 1925 – 1926 годы.

Согласно сметам местных доходов на 1925-26 год можно выделить следующие наиболее прибыльные статьи доходов: отчисления от госналога – 18160 рублей, пособие из уездного фонда – 14296 рублей.

Общая сумма доходов по сельскому хозяйству – 1454 рубля, из них 681 рубль с арендной платы за жилые постройки, 550 рублей за аренду мукомольной.

На разные поступления приходится половина всех доходов волости – 20269 рублей. В их число входят: взыскания и штрафы, судебные пошлины, отчисления от госналогов, надбавки к госналогам, налоги со строений, налоги с транспортных средств.

Пособия из общегосударственных средств составляют 19043 рубля. Эти пособия предназначены «на педагогический персонал школ первой и второй ступеней (3264 рубля), на врачебный и средний медицинский персонал (192 рубля), на агропромышленный персонал (180 рублей), на ветеринарный персонал (96 рублей), на дорожное дело (190 рублей), на школьное строительство (790 рублей), на ремонт и снабжение больниц (35 рублей), другие пособия из уездного фонда (14296 рублей)»¹⁷.

Всего по смете местных доходов по Хмеро – Посолодинской волости Лужского уезда Петербургской губернии на 1925-26 год приходится 41702 рубля.

¹³ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 5. Л.23.

¹⁴ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 5. Л.128.

¹⁵ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 4. Л.2.

¹⁶ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 4. Л.67.

¹⁷ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.47 - 47об.

По-сравнению со сметой местных доходов Хмеро – Посолодинской волости на 1926-27 год сумма доходов снижается. Например, «аренда жилых помещений с 681 рубля в 1925-26 году снизилась до 600 рублей, а аренда за мукомольную снизилась с 550 рублей до 150 рублей»¹⁸. Причина данного снижения пока не найдена.

Мы уже рассмотрели статьи доходов Хмеро – Посолодинской волости, теперь проанализируем расходы.

В архивных фондах имеется дело №12, опись №2, где представлена смета расходов на 1925-26 гг.

Можно выделить следующие предметы расходов: на общественные учреждения и волисполком, на сельсоветы, на совет культуры, мероприятия по поддержанию связи, на охрану общественного порядка, библиотеки, избы – читальни, нардома и клубы, на амбулатории, врачебные и фельдшерские пункты, противопожарную охрану, пути сообщения, на сельское хозяйство (волостные земельные комиссии), на содержание агрономической сети. На погашение задолженностей по общеадминистративным учреждениям, народному образованию, здравоохранению.

Всего по расходной смете планировалось потратить 40718 рубля¹⁹. Если сравнить со сметами местных доходов по Хмеро – Посолодинской волости Лужского уезда Петербургской губернии на 1925-26 год, то приходится 41702 рубля. Можно сделать вывод о дефицитном бюджете.

Таблица №4
Статьи превышения расходов в Хмеро – Посолодинской волости за
1925-26 года²⁰

Статьи превышений	Каковы задолженности
Зарплаты	510-99
- Разные операционные расходы	21-60
Народное образование/зарплаты	233-87
- Разные операционные расходы	108
Здравоохранение	44-63
- Разные операционные	65-17

¹⁸ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.60.

¹⁹ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.36 об.

²⁰ Таблица №4 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.4

расходы	
Итого задолжности:	984-26
Израсходовано:	8565-43

Таблица №5

Запланированные статьи расходов на 1925-26 гг. в Хмеро – Посолодинской волости²¹

Статья расходов	Предложено к расходам
Зарплата	33249-49
Канцелярские расходы	1871
Хозяйственные расходы	1050
Расходы по учебной и научной части	1287
Разные операционные расходы	388-77
На ремонт	2135
На приобретении инвентаря	634

Как уже видно, самое большое количество средств волость тратила на выплату заработных плат. Можно сравнить, сколько тратилось на зарплаты в разных сферах жизни волости:

Таблица №6

Размеры заработных плат в разных сферах жизни Хмеро – Посолодинской волости в 30-е годы XX века²²

Наименование	Сколько приходилось на зарплату
Народное образование	21111
Сельсоветы	3840
Волисполком	3492
Амбулатории, врачебные и фельдшерские пункты	1272
Агрономическая сеть	1022
Библиотеки, избы-читальни,	1020

²¹ Таблица №5 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д.12. Л. 29 об., 30-30 об., 32, 34, 36 об.

²² Таблица №6 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л. 29 об., 30-30 об., 32, 34

клубы	
Ветеринария	645
Волостные земельные комиссии	58

В статьях расходов для Волисполкома предусматривалось выделение средств на «созыв конференций и съездов (50 рублей), на выплату командировочных (425 рублей)»²³.

На «охрану общественного порядка выделялось 140 рублей, на мероприятия по поддержанию связи – 144 рубля»²⁴.

Средства на капитальный ремонт предусматривались для учреждений «народного образования – 1800 рублей»²⁵ и «путей сообщения – 335 рублей»²⁶.

Таким образом, мы видим, что статей расходов у волости достаточно много, смета расходов разработана подробно, учтены все непредвиденные случаи, но бюджет дефицитный, во всяком случае, мы это видим на примере 1925-26 годов.

Выше уже говорилось, что операции по аренде были одной из доходных статей волости. Население арендовало помещения, земельные наделы, озера.

Нам бы хотелось подробнее остановиться на аренде озер.

По архивным материалам известны следующие случаи аренды озер:

«1923 г. Декабрь 15 дня, мы нижеподписавшиеся крестьяне деревни Золково (хутор) Александр Кондратьев, деревня Быково (хутор) Иван Афанасьев заключили настоящий договор с Хмеро – Посолодинским Волисполкомом в лице Председателя Волостного Исполнительного Комитета товарища Никитина о сдаче в аренду на 3 года Битийского озера за плату 27 рублей золотом или 27 пудов рожью за 3 года. Плату вносить по 9 рублей золотом или по 9 пудов рожью за каждый год. За первый год плата должна быть внесена не позднее 16 декабря 1923 года 9 рублей золотом или 9 пудов ржи. Пользование озером и лов в нем рыбы прекращать с 15 декабря 1926 года. Выше упомянутые граждане являются полными хозяевами в течение трех лет данного озера, а посему никто не имеет права ловли рыбы без разрешения упомянутых выше граждан. Только с их разрешения имеют право другие лица лов рыбы»²⁷;

«1923 год декабрь 5 дня. Мы семь граждан деревни Полуяково Иван Кузьмин, Васюков, деревни Должица Николаев Макар, Николаев Янов и деревни Волково Григорий

²³ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.48 об.

²⁴ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.49

²⁵ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.49 об.

²⁶ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 12. Л.52 об.

²⁷ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.1

Кузьмин и деревни Веленско Абрамов Прокофий и Тимофеев Петр, в лице от нас уполномоченного Ивана Кузьмина заключили настоящий договор с Хмеро – Посолодинским Волисполкомом в лице заместителя председателя Рощина о сдаче в аренду на три года Полуяковского озера за плату 20 рублей золотом или 20 пудов ржи за три года. Первая плата 6 рублей золотом или 6 пудов ржи, остальные 14 рублей золотом или 14 пудов ржи на следующий год, 7 рублей золотом или 7 пудов ржи в 1926 году»²⁸.

Из двух договоров можно сделать следующие выводы. Арендный договор заключался с волостным исполнительным комитетом Хмеро – Посолодинской волости сроком на 3 года. Оговаривалась заранее сумма аренды за три года, определялось, сколько нужно платить за каждый год. Очень удобно, что сумма разбивалась на три года. Первая плата должна была вноситься на следующий день после заключения договора. Можно было выбрать форму оплаты: либо золотом, либо зерном. Права на озеро передавались арендатору в полной мере, не было никаких ограничений. Арендатор становился владельцем озера со дня подписания договора.

Какие озера еще арендовали и сколько платили?

Таблица №7
Арендуемые озера в Хмеро – Посолодинской волости в 20-30 годы XX
века²⁹

Название озера	Сумма аренды за 3 года
Битийское	27 рублей/пудов ржи
Заберезское	24 рубля/пуда ржи
Полуяковское	20 рублей/пудов ржи
Бурэ (Долгое)	45 рублей/пудов ржи
Вязковское (Черное)	150 рублей/пудов ржи

К сожалению, данных о площади озер найти не удалось, известна только площадь Вязковского озера – 10 кв. км.

Нужно отметить, что есть свидетельство о повторном заключении договора, то есть о его продлении. Так в «1927 году, марта 10 дня. Гражданами Полуяковского земельного общества в лице уполномоченного Михаила Кузьмина заключен договор с Хмеро – Посолодинским волисполкомом в лице члена волисполкома товарища Александра о сдаче в аренду на один год Полуяковского озера за плату 12 рублей 30 копеек»³⁰.

Население арендовало и плодовые сады.

²⁸ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.3

²⁹ Таблица №7 составлена автором на основе данных ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.3; Д. 12 Л. 52 об.

³⁰ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 15. Л.1

«1924 год 4 июля. Мы нижеподписавшиеся Соокикас Михаил и Олло Оскар, с другой стороны и Хмеро – Посолодинский волисполком с другой, заключили настоящий договор аренды в нижеследующем:

1) Хмеро – Посолодинский волисполком передает в арендное пользование гражданам Соокикас и Олло плодовой сад площадью 1 десятина 600 кв. саж. С количеством плодовых деревьев - 100 штук, ягодных кустов – 40 штук, из которых больших – 40 штук. Хозяйственное оборудование и постройки, согласно описи, находящиеся в бывшей усадьбе Девичье. Плодовый сад передается в пользование сроком на три года.

4) В случае неуплаты арендных платежей в срок Соокикас и Олло уплачивают пеню в размере 2% с суммы срочного платежа за каждый просроченный день.

5) В двух недельный срок по заключении договора Соокикас и Олло обязаны представить на утверждение волисполкома производственный план хозяйства, составленный на весь срок действия договора, причем, в этом плане должно быть предусмотрено полное использование земельной площади исключительно под плодовые культуры.

6) С момента утверждения договора волисполкомом Соокикас и Олло вступают в арендное пользование плодовым садом и обязуются вести хозяйство по утвержденному волисполкомом плану, не имея права нарушать или изменять его, без ведома и согласия волисполкома.

8) В течении семи дней, после утверждения договора Соокикас и Олло обязаны принять плодовой сад в фактическое пользование.

10) Соокикас и Олло обязаны привести арендованный сад в состояние полного порядка, они обязаны:

а) Два раза ежегодно весной и осенью вскапывать землю под деревьями и кустами.

б) Ежегодно удобрять землю достаточным количеством естественных или искусственных удобрений.

в) Поддерживать правильный вид кроны, вырезать сухие сучья и дикую поросль, производить очистку лишайников и мхов.

г) Производить обмазку известью, обвязку молодых деревьев чащей и соломой ежегодно

д) Во время урожая яблок подставлять подпорья. Строго охранять защитные насаждения, при отсутствии таковых, непременно их насаждение и вести борьбу с вредителями.

11) Соокикас и Олло обязаны привести в состояние полной готовности все части наличного оборудования хозяйства, если таковое имеется.

12) Сухие и поломанные деревья Соокикас и Олло обязаны заменить новыми.

13) Обязаны держать забор всегда в исправном состоянии.

14) Соокикас и Олло имеют право возводить новые постройки, подсобные для ведения хозяйства.

16) снабжение и финансовое хозяйство производится Соокикас и Олло за свой счет.

18) Для эксплуатации и обслуживания плодового сада Соокикас и Олло имеют право применять наемный труд.

20) Соокикас и Олло обязаны допускать к обзору хозяйства и обследованию его, поверки книг и отчетности представителям волисполкома.

21) Убытки, причиненные хозяйству по вине Соокикас и Олло возмещаются из имущества последних.

23) В случае постигшего стихийного бедствия, арендная плата может быть отсрочена или вовсе снята с Соокикас и Олло по представлению ими акта, составленного на месте комиссией из представителей волисполкома и волостного комитета взаимопомощи с указанием размера разрушения.

26) В случае нарушения Соокикас и Олло каких-либо из перечисленных условий сего договора волисполком вправе считать настоящий договор расторгнутым и взыскать с арендаторов неустойку в размере годовой арендной платы»³¹.

Это только некоторые условия договора, всего их в договоре – 32. Закреплен он подписями председателя волисполкома и арендаторами. Мы видим, что аренда плодового сада – это более чем хлопотное дело. Арендаторы имеют большое количество обязательств, все делается за их счет, они почти не имеют льгот.

Арендовался участок земли, «находящийся в волостном фонде, находящийся под заростелью у деревни Посолодино, бывший церковный, с правом расчистки такового в количестве около 9 десятин сроком на 5 лет с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 год за 140 рублей»³².

Покос в саду бывшего имения Черкасово тоже был арендован «1925 г. Мая 16 дня, гражданами деревень Зеленско и Козлово. Сроком на 1 год, за 12 рублей»³³.

В аренду сдавались и национализированные постройки. Например, «1924г. 25 сентября. Я нижеподписавшийся председатель двадцатки прихода Зачеренской православной церкви гражданин Струго – Красненской волости, деревни Зарябинка, Александров Игнатий Александрович, по уполномочию церковного совета той же церкви с одной стороны и Хмеро – Посолодинским волисполкомом с другой, заключили сего числа настоящий договор о сдаче в аренду национализированной постройки бывшей церкви. В число строений входят: дом священника, дом псаломщика, помещение сторожа,

³¹ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.6-6об.

³² ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.9

³³ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.10

хлев и двор, хлев и двор псаломщика, два сарая, два хлебных амбара, гумно с ригой и баня. Срок аренды – 1 год за плату 5 рублей в месяц (60рублей)»³⁴. В «1926 году, 18 мая»³⁵ был заключен повторный договор еще на один год.

Из материалов по «оценке земель в Санкт-Петербургской губернии том 7 Лужский уезд» опубликованных в 1907 году в Санкт – Петербурге и предоставленных проектом «София» Струго-Красненской средней школы, удалось найти следующие данные.

Таблица № 8

Средняя стоимость десятины земли в Хмеро – Посолодинской волости
в начале XX века³⁶

Частновладельческую пашню	«в среднем составляла 8,44 рублей за одну десятину»
Частновладельческие сенокосы	«в среднем составляла 3,80 руб. за одну десятину»
Надельные смешанные угодья (пашню и покос)	«в среднем за одну десятину – 2,78 руб.»

Таблица №9

Средние цены за земли без построек в период с 1891 по 1900 годы в
Хмеро – Посолодинской волости³⁷

Количество десятин	Количество случаев	Продано десятин	На сумму	Средняя стоимость (руб.)
1-10 десятин	2	7,3	105,00	14,38
10-50	9	354,6	16.035,00	45,22
50-100	4	297,7	8.810,00	29,60

³⁴ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.13

³⁵ ГАПО. Ф. Р-1250. Оп. 1. Д. 2. Л.22

³⁶ Таблица №8 составлена автором на основе данных из Материалов к оценке земель в Санкт – Петербургской губернии. Том 7. Лужский уезд. – С-Пб., 1907 л. 22, 29, 38

³⁷ Таблица №9 составлена автором на основе данных из Материалов к оценке земель в Санкт – Петербургской губернии. Том 7. Лужский уезд. – С-Пб., 1907 л.46-48, 50-51

100-500	12	2.646,88	64.539,00	24,38
500-1000	1	566,00	2.162,00	3,64
От 1000 и более	2	2.506,9	46.000,00	18,35

Случаев продажи менее одной десятины не было. Можно предположить, что не всегда цена зависела от количества земли, но, видимо и от качества.

Мы увидели все многообразие арендных операций. Заключение договора было не сложным. Удобство состояло в том, что вся процедура осуществлялась в Хмеро – Посолодинском волостном исполнительном комитете. Арендная плата разбита равномерно на весь срок аренды. Можно было выбрать удобную, для арендатора форму оплаты.

В Государственном архиве Псковской области сохранились ценные сведения по истории Струго-Красненской земли, а именно о Хмеро-Посолодинской волости, которая в начале XX века частично входила в состав современного Струго-Красненского района.

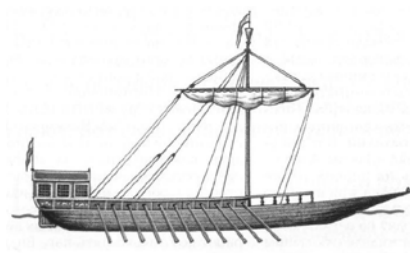
В Хмеро – Посолодинской волости был хорошо развит аппарат управления. Четко разграничены функции, велась работа с жителями, связь с населением обеспечивалась за счет многочисленных секций, над которыми стоял ВИК. В волости действуют пожарная дружина, работает милиция, почтовое отделение, налажена работа телефона. Для жителей работает библиотека, изба – читальня, устраиваются киносеансы. Работают медицинский пункт, есть ветеринарный пункт. Действуют школы, общеобразовательные курсы, кружки, выписываются газеты, журналы. Жизнь в волости налажена.

Хмеро – Посолодинская волость в двадцатом веке после Октябрьской революции в тридцатые годы была экономически развитой. Основными статьями доходов волостного правления были: арендные договоры с населением, взимание штрафов и взысканий с граждан, а также налогов.

Можно сказать и несколько слов о населении. В волости было большое число старинных имений. Мною рассмотрены имения Переволоки, Девичье, Фишера, Залазы, Захонье, Буре, Черкасово, Высокогорское. Некоторыми из них владели знаменитые петербуржцы – Павел Буре, часовой мастер, владел поместьем буре на озере Долгом. Были и очень развитые усадьбы с большими домами, террасами, фруктовыми садами, бассейном, фермой, например, усадьба Фишера.

Была хорошо организована массовая работа на селе с помощью многочисленных секций при Хмеро – Посолодинском Волостном исполнительном комитете, вели работу с население и сельсоветы. Общественную работу в волости проводили педагоги и медицинские работники. В деревнях были избы-читальни, красные уголки и даже Эстонский клуб. Жители волости выписывали большое количество газет и журналов, как

для интеллигенции, так и для молодежи, крестьян и военных. При волостных избах – читальнях были кружки: политические, сельскохозяйственные, естественно – научные, кооперативный, кройки и шитья.

Семья Гуро

Сержант французской армии императора Наполеона – Этьен Гуро (1795-05.08.1873) после поражения и отступления войск в 1812 году, остался в России. Интеллигентный и образованный он быстро освоился, выучил русский язык, принял русские обычаи, изменил имя – стал Степаном Андреевичем Гуро, и вскоре успешно преподавал в Петербурге французский язык. Среди своих воспитанников он пользовался уважением. В 1832-м году Степан Андреевич издал книгу «Собрание рассказов, анекдотов и отрывков, выбранных из лучших русских писателей для упражнения детей в переводах с русского языка на французский и на немецкий и русско- французско- немецкий словарь». Позже из под его пера вышло несколько книг и учебников в помощь изучающим французский и немецкий языки, а также русская азбука для детей. Книги Гуро пользовались популярностью среди учащихся. На службе Степан Андреевич дослужился до чина статского советника.

Генрих-Гельмут (в русской транскрипции - Георгий Степанович) Гуро родился 19 сентября 1835 года в семье Степана Андреевича Гуро. Образование Генрих получил в частном учебном заведении и выбрал судьбу военного. В военной службе он с 24 ноября 1854 года, офицером с 11 января 1856. За время службы занимал различные должности от командира роты до секретаря штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Находился в действующей армии во время Восточной (Крымской) войны 1853-1856 и польской кампании 1863-1864.

В период с 1885 по 1896 годы служил начальником Санкт-Петербургского Семёновско- Александровского военного госпиталя в звании генерал-майора, а после в звании генерал-лейтенанта состоял для особых поручений по армейской пехоте при главнокомандующем войсками гвардии и Петербургского военного округа Великом князе Владимире Александровиче. Не

исключено, что именно генерал Гуро подсказал место размещения нового летнего лагеря для Красноярского, Омского и Иркутского полков, так как хорошо знал эту местность. Ведь его имение Починок Соседненской волости Лужского уезда в 511 десятинах (558 га, в основном - леса) находилось в 9 километрах юго-западнее современного посёлка Владимирский Лагерь, возле деревни Ксти на берегу реки Куреи.

В сентябре 1905 года Генрих Гуро уволен в отставку с производством в генералы от инфантерии. За время военной службы был награждён русскими орденами вплоть до ордена Святого Владимира 2 степени, знаком отличия за 40 лет беспорочной службы, также и иностранными орденами.

У Генриха Степановича был брат Александр, который посвятил себя гражданской службе и дослужился до чина тайного советника.

Женат был Генрих Степанович на Анне Михайловне Чистяковой, дочери

Сёстры Елена и Екатерина Гуро, 1890 год

известного педагога и литератора, издававшего в 1851-1865 годы «Журнал для детей», Михаила Борисовича Чистякова (1809-1885). Анна Михайловна была женщиной одарённой, хорошо рисовала и могла бы стать художником, но передала весь свой талант детям (в семье Гуро было трое детей), и в первую очередь дочери Елене.

Анна Михайловна скончалась на мызе Починок 7 мая 1906 года, через год не стало и Генриха Степановича, он умер 25 мая 1907 года. Анна Михайловна и

Генрих Степанович похоронены на погосте Заклинье Новосельской волости.

Старшая дочь в семье Гуро – Екатерина родилась в 1874-м году. Вышла замуж за архитектора Александра Марковича Эрлиха, в этом браке 11 сентября 1906 года родилась дочь Марианна. Вторым мужем Екатерины Генриховны стал писатель Моисей Павлович Венгров.

Екатерина Гуро-Эрлих печаталась под псевдонимом Низен в первых сборниках футуристов, занималась переводами. Скончалась Екатерина Генриховна в 1972-м году.

Младшая дочь в семье Гуро - Елена (Элеонора) Генриховна Гуро родилась 18 мая 1877 года в Санкт-Петербурге, но всё детство и ранняя юность её прошли в имении Починок вдали от суматохи и шума большого города. Именно здесь она с восьми лет начала рисовать и записывать свои первые детские впечатления, вела дневник.

Профессионально заниматься живописью Елена Гуро стала уже в 13 лет, поступив в петербургскую рисовальную школу Общества поощрения художеств. В 1903-1905 гг. занималась в студии художника Я. Ционглинского. Там она познакомилась со своим будущим мужем — композитором и художником Михаилом Матюшиным. Позже Елена посещала художественную школу Е. Званцевой, где преподавали Л. Бакст и М. Добужинский. Студия находилась в доме на углу Таврической и Тверской улиц Петербурга, где жил поэт-символист Вячеслав Иванов. В его оранжевой круглой комнате, по средам проходили собрания, на которых присутствовали и Мережковские, и Александр Блок, и Андрей Белый, и Федор Сологуб, и художники Лев Бакст и Мстислав Добужинский, и Максимилиан Волошин, и Анна Ахматова... И, конечно, Михаил Матюшин и Елена Гуро.

В 1905 году Гуро впервые дебютировала как художник, сделав иллюстрации к «Бабушкиным сказкам» Жорж Санд. В это время состоялся и её литературный дебют. В «Сборнике молодых писателей» появился первый прозаический опыт Гуро под названием «Ранняя весна». Через год в журнале «Счастье» был напечатан её рассказ «Перед весной». Но настоящее литературное крещение приходится на февраль 1909 года, когда вышла первая книга Елены Гуро «Шарманка». Благодаря «Шарманке» Гуро нашла и благодарных читателей, и людей, близких по духу, будущих соратников.

Именно в год выхода «Шарманки» состоялось знакомство Елены Гуро и Александра Блока. Оба они приняли участие в литературно-художественном альманахе «Прибой» (1909), где было напечатано стихотворение Блока «Своими горькими слезами...» с рисунками Гуро. И Александр Блок, и Вячеслав Иванов пытались привлечь Гуро к участию в символистских сборниках. В апреле-мае 1908 года Елена Гуро вместе с Михаилом Матюшиным участвует в «Выставке современных течений в искусстве», организованной Николаем Кульбиным, одним из первых пропагандистов нового искусства в России. Еще через год Гуро и Матюшин вступают в группу Кульбина «Треугольник» и принимают участие в выставке «Импрессионисты», после которой сближаются с Братьями Бурлюками и Василием Каменским, а через него, позднее, в начале 1910 года – с Велимиром Хлебниковым. А в 1912 году, когда Маяковский приезжает в Петербург, чтобы выступить с докладом «О новейшей русской поэзии», он знакомится с Еленой Гуро.

Квартиру Матюшина и Гуро на Петроградской стороне посещали не только поэты Серебряного века, но и художники, представители художественного авангарда, такие как, например, П.Н. Филонов, К.С. Малевич.

Вместе с Матюшиным Елена Гуро занималась разработкой теории «расширенного смотрения», изучала влияние формы на форму, связь звука с формой и цветом, обращалась к постижению скрытой сущности явлений природы.

Гуро поистине принадлежит к центральным мастерам русского художественного авангарда начала XX века. Она тесно переплела в своём творчестве живопись, поэзию и прозу. Её мировоззрение и талант повлияли на развитие символистов, футуристов и других направлений литературного и художественного авангарда.

Недостаточно судить о творчестве Гуро только по её произведениям. Значение Елены Гуро может быть определено именно с учётом взаимного влияния и взаимосвязи с соратниками по кубофутуристическому движению, Велимиром Хлебниковым, Казимиром Малевичем и другими поэтами и художниками такими как Даниил Хармс, и в особенности с её мужем Михаилом Матюшиным. Личность и творческая фигура Гуро оказала глубокое воздействие на последующее поколение писателей и художников. Всё творчество её основывалось на глубокой, всеохватывающей связи с природой. По словам Матюшина, Гуро так любила природу, что сама уходила в неё. Путём постоянного наблюдения она сумела воплотить в своих вещах образ изменяемого, растущего и движущегося в природе. Гуро говорила: «Для искателей живут неведомые страны». Матюшин отметил: «Тот, кто полюбил, как Лена, почки, листики и всю движущуюся жизнь и увидел жизнь в камнях, не хочет и в будущем с этим расставаться».

Умерла Елена Гуро от лейкемии, 23 апреля 1913 года в возрасте 36 лет. Похоронили её в посёлке Уусикиркко (ныне — посёлок Поляны Выборгского района Ленинградской области), где в июле того же года проходил первый съезд русских футуристов.

В 1914 году вышла – посмертно – самая известная книга Елены Гуро «Небесные верблюжата».

В Петербурге в доме Матюшина и Гуро на Песочной улице открыт Музей петербургского авангарда. Творчество Гуро представлено во многих музейных собраниях, среди них — Государственный Русский музей, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Творческое наследие Елены Гуро хранит Российский государственный архив литературы и искусства.

Поэт и переводчик Геннадий Айги высказывался так: «У нас не два великих русских поэта-женщины: Ахматова и Цветаева, а три. Я считаю Елену Гуро тоже великим русским поэтом...»

Такие разные и такие крупные художники, как Блок и Маяковский, пророчили книгам Гуро широкое признание. Ошиблись? Хочется верить, что гении не ошибаются, а просто заглядывают туда, где нам ещё ничего не видно...

Литература:

РГАЛИ ф.134, оп.2, ед.хр.20

Гуро Е. Небесные верблюжата. Избранное. – СПб, Лимбус-Пресс, 2001.

Русский биографический словарь.

Список генералам по старшинству. 1904.

Энциклопедия Брокгауза-Ефрона.

Эндер Б. Влияние Е. Гуро на её современников // Europa Orientalis. 1994. Vol.XIII.

№ 1

<http://articles.excelion.ru/science/persons/781.html>

<http://artinvestment.ru/auctions/14230/biography.html>

<http://elenaguro.narod.ru/bio.html>

<http://ivanov.lit-info.ru/review/ivanov/001/72.htm>

<http://screen.ru/viogolosa/guroT.htm>

<http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/192029.html>

http://www.silverage.ru/paint/guro/guro_bio.html

Мыза Починок на карте XIX века

В раннем периоде творчества Елены Гуро есть несколько небольших рассказов, в которых она обращается к воспоминаниям о своём детстве, проведённом в имении Починок. Рассказы удивительным образом передают то настроение, которое переполняло автора в детские годы. Она вспоминает обстановку в усадьбе, игры, природу... Всё что окружало маленькую девочку, которая не утратила способности по-детски удивляться обыденным вещам и окружающему миру до самой своей смерти.¹

Ранняя весна²

От времени до времени в общем вялом ходе дней обыденной жизни наступали приятно-тревожные периоды светлого, приподнятого настроения, когда можно было ожидать чего-либо, жить будущим.

Так ждали назначенной заранее поездки за город, с золотым утренним отъездом и тишиной вечернего возвращения среди замирающего городского рокота; очарований игры, неисполнимой сейчас; обещанного, ещё за неделю, волшебного чтения вслух в маленькой гостиной при трепетании лампового света на фарфоровых игрушках и в отражениях зеркал.

Любили коротать время до назначенного срока: по утрам просыпаться уже с нетерпеливо приятным сознанием, что ещё один день прошел и наступил другой и есть зачем торопиться его скорей, скорей прожить.

Были определённые, ежегодные времена ожиданий: к Рождеству — ёлки и подарков, то есть собственно рождественского, ёлочного настроения; к вербе — пестрых бумажных розанов, жёлтых восковых птичек на фоне весенней слякоти. Но лучше всего было, когда, в конце мая, можно было начинать мечтать о даче с зелеными деревьями, с катаньями; участвовать в приготовлении этого будущего, в уборке квартиры; надевали белые чехлы на статуэтки и мебель гостиной, начинали убирать игрушки в шкафу красного дерева; в комнатах становилось ново, светло, пусто и гулко; появились сундуки, пахло новыми верёвками и сеном. Но главное, что составляло прелесть всего этого, являлась возможность ждать, мечтать о перемене, начинало существовать будущее! Что-то новое должно было прервать ряд обыкновенных дней, надоевших обязанностей; потом, правда, они снова наступали, но всё же это было временное избавление от царства настоящего.

Но на этот раз ожидался целый переворот. До сих пор всё-таки всегда была длинная, скучная детская, отделённая от владений старших, разобщенность интересов, мама непонятная, далекая, являлась в жизнь, почти не как действующее лицо, но как декорация фона; только беззвучно, безучастно проскальзывала мимо; говорилось о непонятном, о каких-то «выездах». И вдруг, так просто, — в один день, такой же как все, нам сказали: «Мы купили в деревне землю, в лесу выстроили дом и переедем туда с первыми теплыми апрельскими днями». Это было как бы смолистое свежее дуновение в заспанной комнате.

Наконец засияло счастливое будущее. Помнится смутно что-то туманное, сбивчивое, железная дорога, в оконной раме быстро мчатся полосы земли и неба, приятная скука ожидания. Все стусевалось, и в вечернем свете румяно выступили новые впечатления приезда.

Станция. Вышли из вагона; после дребезга и шума железной дороги охватило сразу дивной кристально-чистой тишиной; всё остановилось в прозрачном онемевшем воздухе, грезили прозрачные вершины за крышами; мы стояли и невольно слушали молчание. Старшие хлопотали с багажом. Потом мы шли, спотыкаясь; земля под ногами была невыразимо приятная после вагона и непослушная; она колебалась, толкала и проваливалась. Пахло апрельским вечером, согретым деревом, землёй, теплом косых огнистых лучей; было так хорошо, что в первый раз даже играть и выдумывать не

хотелось: жизнь была лучше игры. Всё теперь было такое чудесное, особенное. Пробираясь по подсыхающим бугоркам, торопливо думалось: как странно, раньше всё приятное ещё хотелось прикрашивать прибавлением вымысла. В воспоминаниях отошли, побледнели и куда-то нырнули: город, игрушки, надоевшие обои детской. И пока шли через двор, через дорогу, становилось сразу как-то необычайно. В нетерпении, желая чем-нибудь запечатлеть радость, что-то взять от мгновенья, я побежала к краю дороги и сорвала яркую, зелёную пушистую травку. За мостом стояли лошади, гнедая и рыжая. Золотились на солнце; гнедая опустила к ноге голову с ярко-лиловой гривой, и были сине-фиолетовые тени от вечерних отражений неба.

Пахнуло лошадиным резким теплым запахом, дёгтем телеги, и ново зазвучал мягкий говорок на тихом воздухе. «Поднимай, Павел! Нет, сюды, сюды лучше ставь! Да подвинь гораже!» — «Ну, а мне думатца таперича повернуть!»

На заходящем солнце горели ярко очерченные оранжевым лица, укладывали вещи. «Ну, с Богом!» — Тронулись. Чухонская телега завизжала железом и захлябала по ухабам апрельской дороги. Повернулись и отплыли назад избы станции. Открылась безграничная земля, млеющая в вечернем возрождающем упоении. И началось необычайное, о чём только лучи предсказывали. От последних греющих солнечных полос возникало настроение совершающегося громадного весеннего чуда, было в молодом воздухе присутствие детского вдохновения.

Что это так свежеет воздух? Обнимает вокруг, и в душе что-то открылось безумно-широкое. Почему тревожно поднимается и захватывает свежая волна в груди? Пахнет корою и озоном и невыносимо сильно, трогательно горячо пахнет согретой зеленой елью. Прежде так не бывало. Отчего так радостно? — Это мы ещё так рано не выезжали из города, ты всё видишь в первый раз ранней весной. — Ай, что так пахнет и сырым, и теплым, едва поехали шагом? — Это, верно, земля из-под снега. Мысли суетятся, новое мчится вихрем навстречу.

— Мама, что это такое светло-лиловенькое по овражку?

— Это же цветы.

— Как, уже цветы, когда ещё травы нет и деревья без листьев?

— Да, это самые, самые первые весенние; они цветут, едва обогреет землю. Иногда ещё снег лежит, а они рядом цветут, а здесь их ещё и пригрело на припёке.

Мама весело говорит, и тени тянутся по червонному косогору.

— Мама, посмотри, там под темными ёлочками белеется пятно, точно большой платок!

— Это ещё снег остался обтаявший.

И при этом ответе тебя охватывает непонятная напряженная радость. Невозможно сидеть смиренно в экипаже: это остался ведь последний снег от зимы, мы её победили,

холодную, заставлявшую скучать в городских комнатах. «Это последний снежок!» Мама рада этому так же, как мы, и сейчас она такая близкая-близкая, понятная мама.

У дороги чернел мокрый торф, светлела прошлогодняя трава, рыжел и зеленел мох. Незаметно ускользнул последний язык косо́го луча и серость прозрачная, ясная объяла всё. Сумерки пахнут цветами, прохладой и ночной землей — она дышит сырым теплом, и обуревают нарастающая тревога безумного весеннего восторга; и нарастающий восторг вокруг в апрельском вдохновенном воздухе, обнимающем округлыми волнами землю, и в развертывающихся поворотах дороги, манящей к будущему, неизвестному. Хочется торопиться куда-то, бежать, прыгать и от бодрости хвоистой оттаявшей земли хочется быть великим, непременно. Интересно, чтобы так ехали будущие великие люди, предназначенные для большого творчества, и непременно мы с сестрой должны быть ими! Недаром на душе так совсем особенно.

Была апрельская распутица, на дороге ямы с протаявшим рыжим песком; колеса скользили и скатывались, телега совсем накренилась, дух захватывало, но это были настоящие приключения. Остановки... вылезали... торопливый говор... и близко, близко свежая земля под ногами. Пахло чернозёмом, лошадьми; лиловая звездочка цвела в тёмных прошлогодних листьях, из лесной опушки веяло сырью, и опять ехали, ехали... шагом и рысью, и опять толкало в телеге, и под конец закачало в легком грёзном утомлении, потому что ехали долго, долго.

Пошла мызная дорога, стало ровнее. Это был первый привет обетованной земли. Темнее, лесистей, таинственный поворот нырнул в старый ельник; копаные канавы чуть блестели в голубой тьме. Ещё повернули, мимо чуть шевелившихся ёлок. Раздалось: «Ну, слава Богу, приехали!» Выехали в просвет; впереди темнело громадное, как корабль, чудовище-строение. На прозрачности еловых вершин чернели смелые очертания крыш — это наш дом. Что-то страстно больно захватило от восторга грудь. Лай собак гулко долетал откуда-то; ехали через необъятный двор; посреди росли гигантские ели: сквозь них мелькали строения.

Подъехали. Из подъезда струился желтоватый отблеск в ещё светлый голубой вечер. Перед домом стружки; мерещились в сумерках кирпичи, пахло новой стружкой, терпкой газовой смолой в весеннем вечернем воздухе. Сверху лестницы бежали две деревенские девушки, и радостные восклицания неслись к нам. Как хорошо! Тут радуются нашему приезду, значит тут все родные, милые люди, все поглощено восторгом приезда.

В громадной столовой ярко освещённый белый накрытый стол. Жена немца-управляющего романтически убрала его цветами. Под горячим оранжевым светом лампы на столе ярко блестел белый с синим фаянс в венках из лиловых анемонов. Пахло новым дощатым полом, а в окно махали черно-зелёные еловые ветви и синели апрельские сумерки. Старшие за столом говорили, опьянённые смелостью начинаний: «Доставка газовой смолы на мызу, кирпичный завод...» И новизна и подъём от новых, свежих, не

сношенных обиходом слов и названий передавались нам. Веяло смелым пионерством. В дикий тёмный лес пришли люди, смело срубили дом из широких еловых брёвен, новый на свежем месте, где ещё не было глухих, злых пережитков мусорных углов, накопившихся от засиженной, затхлой жизни. Мы ещё блаженно не знали тогда, что у взрослых всё гораздо обыденнее, они совсем не чувствуют того же, что дети. На самом деле тут был просто подъём и восторг приобретений, но уже рядом и опасливые расчёты о выгоде. Но новые разговоры, слова, произнесённые приподнятым тоном, уносили нас всё дальше во вновь открытую страну.

После чая — теперь было всё позволено — побежали с балкона в прохладный синий сумрак, населённый призраками деревьев, и под глухой тьмой леса у камней стали собирать светлеющие чуть-чуть звёздочками благоуханные призраки цветов. Действительность совсем стала похожа на сон. Потом спальня, громадная, с громадными трехстворчатыми задумчивыми окнами без штор, и в них просветы неба, тёмные пятна подступивших елей. Те же голые бревенчатые стены, проконопаченные мхом, смола золотыми слёзками, громадная умывальная чашка, наскоро установленная на скамье, чистая постель, сухой деревенский воздух, легкий, легкий. С завтрашнего дня начнётся новая жизнь; всё слилось в приятный пёстрый бред, сон и чарующую мечту. Завтра... завтра...

Детство³

Меж темных ёлок стояла детская комната, обитая тёплой серой папкой. Она летала по ночам в межзвёздных пространствах.

Здесь жили двое: «Я», много дождевых духов над умывальником и железная круглая печка, а две кровати ночью превращались в корабли и плыли по океану.

За окнами детской постоянно шумел кто-то большой и нестрашный. Оттого ещё теплей и защитней становились стены.

Вечеру на светлом потолковом кругу танцевали весёлые мухи. Точно шёл весёлый сухой дождик. В детскую, солнечной рябью по стенам, приходили осенние утра и звали за собой играть.

Там! Ну — там — дальше, жёлтые дворцы стояли в небе, и на осинової опушке, за полем, никли крупные росины по метёлкам, по курочкам и петушкам. Никли водяные, и было знобко и рано.

Это оно! Оно! Идём к нему навстречу.

Ах, какие наутро были ласковые, серебряные паутинки! Откуда они пришли? Ничего не знали — от них лежал свет, и всё прощала зелёная полоса, бледная, над крайними берёзками.

Светились травы прядями льняных волосков, что собрать в косичку осенней лесной девочки и пойти с ней за рябиной.

Где-то молотили, собирали и готовили перед зимой. Оттого переполнена светом и спелым тишина. Оттого празднична дорожка к гумну и амбару, и, осыпанные росой, пахнут спелой землей полосы пашни. И не уходя, стоит в поле осенний веселый со светлой головой из неба.

Подходила перемена, и маленькие ёлочки и рябины, зная это, улыбались кверху, ждали, просияв насквозь иглами солнца и водяного неба, и до того душа танцевала с солнечными пятнышками, что, съёжившись, смеялись — думали: это от красных кистей рябины и оттого, что печку затопят вечером.

Ночи стали чёрные, как медведь, а дни побелели, как овёс.

И ещё был ранний час утра, с радужными паутинными кружками на оконных стёклах.

Это оно? Это оно, бежим ему навстречу!

И белый чайный фарфор столовой был такой настояще-утренний, что не обманывались.

Второпях не знали, в кого играть: в фею, как она прядёт золотые волокна, или в путешественников, накрыв стулья верблюжьим одеялом.

Это китайцы в узорных кофтах сидели на соломенных циновках, на берегу лазурного, лазурного моря.

Висел над их головами мамин лук, и порей сушился пучками. Всё удалилось за лазурную полосу, и соломенное солнце, и колокольчики китайских беседок качались в стеклянном небе.

Пришли шёлковые, с завитушками двоюродные сестры. Стал сразу издождённый балкон с осенними столбами, и матросские костюмчики.

Состязались, кто лучше выдует прозрачный шарик, а в призы с собой принесли светлые зёрнышки бисера.

И стало такое волнение, такое волнение, что, замирая, садились на корточки, и радовались.

В летучих шариках опрокидывались маленькие китайские деревья, вниз головой, и перламутровое небо было маленьким, маленьким, розовым.

Пролетали, в них отражался вверх ногами забор, и они лопались.

Уж пошумывал мохнатый вечер в окна. Уж громадно было за окнами, чудно и чуждо, и сине, и сладко, жутко.

Управляющий в высоких голенищах спрашивал: «Что ежели будем пахать завтра?»

.....

У реки жил еловый, лесной царь, его венчаные ветви берегли белок и птичек. У него был на носу, между глаз, сучок, а из глазок иногда смола вытекала. И весь лесной царь пахнул смолой.

Сюда приходили только на поклонение и приносили малининки и землянику на листиках, и клали к подножью царя.

Милый царь! Царь благословлял, а мурашки уносили малинку: царь принимал жертву.

И ещё любили очень духа берёзы. У него был белый атласный лобик и глаза из мха.

Его по утрам целовали в атласный лобик.

Он светлый, давний: ещё и никого и ничего не было, а лобик атласного духа был.

По атласу сквозь тени пробегает золотце.

Собираются идти за мохом и красными ягодками брусники, для зимних рам.

Придет оно! Придет оно! Ах, бежим, бежим скорее ему навстречу.

У сложенных дров сияют светлые щепки.

Уж в колеях ломкие белые звезды, и стучит обледенелое ведро у колодца утром, и готовят уроки.

Меж роялью и камином стоят вигвамы из буйволовых шкур, украшенные перьями сойки и жемчугом, и до самого ковра гостиной, под светом лампы тянется Патагония.⁴

На берегах Эри и Онтарио краснеет брусника.

Когда пролетают вожди гордых Павнисов,⁵ на долгогривых конях, мимо окон столовой — видят звезды.

Кровати уже отплыли, и кто-то большой и нестрашный шумел за стеной.

А комната летела меж крупными звёздами, в синих бархатах, и летели вместе тёмные башни ёлок хороводом стражей.

Большие прекрасные бегемоты, оставляя животами дорожку по золотому топазовому песочку, подходили к цветущим медовым деревьям, и прозрачные, полные соком медовые плоды падали им в рот.

Стороной, стороной проходили, звеня, олени.

Над вигвамами кувыркались бисерные птицы.

В мгlistом, мягком небе были опрокинуты дворцы.

А с дворцов звенели колокольчики, потому что за мгlistым небом убегали излучистые, меж садами розовыми, голубые дорожки.

Голубые, голубые, голубые.

Детское утро⁶

Расцвели под окошком пушистые одуванчики. Раскрылся жёлтый лютик, и стало утро. Блестящие чашечки унизали лужок. Собрали чашечки лютика и ещё синие и сделали чайный столик. Из лучей волчок бегал по полу.

Пошли воевать с темной елкой: отвоевать белую кружечку. В это время дома выросли грибы на полках, деревянные, лакированные и с красными шапочками. Увидав это, желтые соломенные стулья заплясали по комнате.

А мы стали гоняться. Хотели поймать жёлтый солнечный пушок и посадить его на сосновую полку. Гонялись, гонялись и не поймали. Так и пробегали по солнечным окнам до завтрака.

А с сосновой полочки смолка весёлыми слёзками падала.

¹ Текст печатается по изданию: Гуро Е. Небесные верблюжата. Избранное. – СПб, Лимбус-Пресс, 2001.

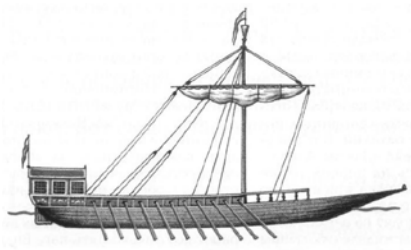
¹ Ранняя весна — первая публикация Е. Гуро. (Сборник молодых писателей.: СПб, 1905. С. 119–125). В несколько переработанном виде этот рассказ напечатан в книге «Шарманка» под заглавием «Приезд в деревню».

¹ Детство — рассказ опубликован впервые в сборнике - Садок судей. :СПб, 1910. Оп.2. С. 58.

¹ Патагония — область на юго-востоке Южной Америки, в Аргентине. Эри, Онтарио — озера в США и Канаде, в системе Великих озер, соединенные друг с другом судоходными каналами.

¹ «...вожди гордых Павнисов...» — вероятно, имеются в виду индейцы пауни (англ. Pawnee) — группа племён, живших на территории современных штатов Небраска и Канзас.

¹ Детское утро – рассказ опубликован впервые в книге – Гуро.Е. Шарманка. – СПб, 1909.

Ведерникова Л.А.

«И женщина у озера одна...:Стихи»

*Что такое стихи для меня?!
Как рождение сына для матери.
И отдать их нельзя никуда.
И упрятать нельзя их под скатертью.
И как сын захотят повзрослеть.
Захотят, чтобы их прочитали.
И придется отдать их на свет.
С материнской любовью, печалью.
И тревожится, вдруг не поймут
И не спать, вспоминая о главном
И увидя печатными вдруг.
Успокоясь, подумать, «как славно!»
Закрывая глаза перед сном
Я надеюсь, что строчки помогут
Сильным силу дадут и покой.
Слабым – веру, что все они могут.*

«Плохая весть»

Заплаканных глаз и платок не спасет
Идет почтальонка и сумку несет.
Дорога длинна, как неровные строчки,
А в доме солдатка и две малых дочки.

А в сумке один треугольник лежит.
Идет почтальонка, идет, не спешит.
Соседке несет треугольник размытый.
Несет и боится быть горем убитой.

И знает, последнее время для всех,
Как злая вестунья, несчастий, помех.
И люди встречая, глаза опускают.
Стараясь не видеть, вперед пропускают.

А если бы знали, давно уж вдова
И свой треугольник прочтен не вчера.
Прочтен и не раз, и уж нет больше слез.
Закутаны плечи – крещенский мороз.

«Ветеран»

Улыбка, сеть морщин у глаз,
Волос остатки, седина.
Медалей горсть – печаль одна,
Воспоминанья, все в рассказ.

Рукопожатия, смех приглушен,
Дрожанье рук, ведь он так нужен.
Победой, гордостью полны
И страх войны от сатаны.

А завтра снимет он медали,
Вернется к внукам и делам.
До новых встреч, долой печали,
Сто грамм разделим пополам.

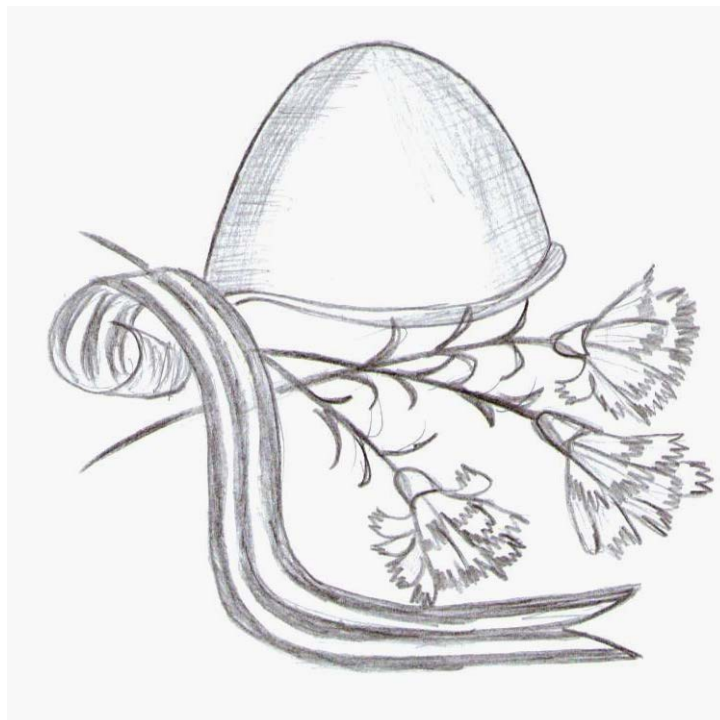
«Воспоминания»

Тяжесть войны не отпустит их плечи,
Мыслей тревожных, одни на рассвете.
Сколько прошло, но готовы опять,
Встать на защиту, страну защищать.

И как печально, не все соберутся,
Сколько уж нет, и других не дождутся.
Лишь только в сердце у многих – печаль.
Скрючены пальцы подагрой, как жаль!

Помнится все, как тащили погибших,
Как в след крестили, и слезы девичьи.
Грязные лица убитых, остывших,
В книгах описанных и не забытых.

Пусть ни кто не узнает потерь,
Судеб разбитых, горечь и боль.
Молодость пусть не растратится в ноль
Слезы и кровь не прольются теперь.

Какой простор в России нашей!
Дорог разбитых – колея.
Но все равно, нет сердцу краше
Моей страны – любовь моя.
На карте спрятано местечко.
В лесах, болотах скрыто все.
И точкою помечено колечко
Струг Красных, вот оно, село!
Присмотримся внимательно, друзья!
В смоле – красавица сосна, хороша.
Гористая дорога вдоль озер!
Тропинки, мхом покрытый косогор
Готова здесь я жить до старости
И как-то успокоюсь вдруг,
Растаяла душа какой-то пряностью
Смогла я в будущее заглянуть...

Я знаю, счастье – это то,
Что понят ты и нужен детям.
Когда любимого плечо.
Ты ощущаешь на рассвете,
Когда работа в радость нам.
Когда бодра ты и подвижна,
Когда поет твоя душа
И многих гадостей не слышно
И очень хрупкое оно,
Разбиться может, потеряться,
Но главное – не растеряться
И снова обретешь его.

Отливает золотом церковь на горушке.
Там стоят и молятся древние старушки.
Там молитвы славятся и зывают к миру.
Там страданьем делятся, созерцая «мирру».
Там грехи смываются, каплей и слезою.
Благость разливается, жизненной волною.

За пульса очень тоненькую нить,
Что может в каждый миг легко прерваться,
Надежною рукой молю, держись!
Чтоб мне в небытие не оказаться.
И вы держали, с вами был набор:
Тонометр, фонендоскоп в кармане
И капельница и шприца укол
И физраствор и градусник в стакане.
В день медика пришлите роз букет.
За ту, что в трудный час со мною были.
Болезней, слез неверия – пакет.
Своим искусством в дребезги разбили.
За то, что вы с терпением дружны.
Глаза всегда внимательны и строги.
Надежны Ваши руки и нежны.
И Вам не свойственны ни слабость, ни упреки.
Но главное – сердечное тепло
И преданны вы клятве Гиппократы.
Вы – профи! Как нам с вами повезло.
Врачами умницами, наша Русь – богата!

Внуку Владике 3 года

Моя тебя очень прошу
Не уезжай, побудь со мною.
Бабуль, я без тебя грущу.
И буду ждать моя с тобою.

Я букву «Н», не говорю,
Но постараюсь научиться.
С тобой тогда поговорю
И сможешь мною ты гордиться.

Бабуль, приехало такси
Я помашу тебе ладошкой
А ты мне книжки привези
И фрукты вкусные в лукошке

Я скоро вырасту большой
И ты забудешь, как дразнила.
Но Чин Гиз-Хан всегда со мной,
Ведь это ты так научила!

«Печаль»

В воде застывшей отражение берез
И женщина у озера одна
Задумчивы зеленые глаза
О ногу плещется, ласкается вода

Луна тихонько выплыла, вздохнула
И плечи в серой сумрак завернула,
А звездочки мерцали в лунном свете
И холодом повеяло на плечи

Из глаз зеленых россыпь – самоцветы
С водой слились березок силуэты.
И в туфельку упрятана стопа
И вновь спешит домой, опять одна.

Кто сказал, что счастье голубого цвета
Счастье, оно белое – в радугу одето.
Кто сказал, что горе, черное и мрачное.
Горе – это клякса, цвета неудачного.
 Может быть застывшее,
 Может быть тягучее,
 По щекам разлитое,
 Мрачное и тучное.
Ожидание сумрака, в разную полоску.
Может быть и розовым, и белым как березка.
Только неожиданность цвета одного.
 Каждому известно, каково оно.

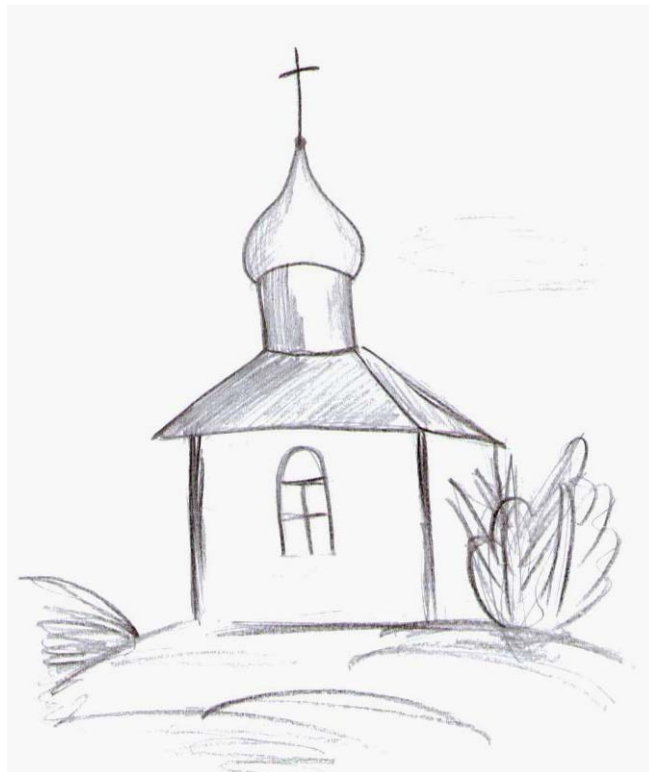
Из листьев клена я сплету венки,
Украшу гроздьями рябины.
Добавлю маленький штришок.
Холодным инеем ошпаренной калины.
 И так любуюсь красотой,
Зловещей медью, буйством красок,
 Я принесу его домой
 И покажу всем, как прекрасен.
Нет чахлых листьев, есть покой.
Надрывный, нежный, чуть звенящий,
 И голос тихий скажет мне,
 Я для тебя слегка пьянящий,
 Хочу тебя очаровать,
Хочу порадовать, дурманить,
 Чтоб гладила рукой опять
И ягод сласть и листьев глянец.

Представьте лес, листвою укрытый.
Замшелый пенёк, судьбой забытый.
На нем опята, все в веснушках.
И лист упавший на макушках.
В глазах коричневых тревога.
Нет скрипа веток, где дорога?
Качает ветер юбки, ножки.
Эх как бы прыгать по дорожке?
Бежать из леса, но куда?
Кругом зеленая вода.
Непроходим тот старый лес
И не бывает в нем чудес.

Веснушки золотистые уселись на носу.
Сережки серебристые звенят в моем мозгу.
А платье кружевное по щиколотку мне.
И туфельки одеты на модном каблуке.
Бегу я на свидание и радость на душе.
Прощай мои страдания, ведь Колька верен мне.
Усядемся на ветки, на толстые суки.
И будем кушать яблоки, ох сочные они.
Болтать ногою в туфельке,
веснушки рассыпая
А Колька бестолковый
зевает и зевает.

Не ищите в листьях от меня привета
Просто по пригорку пробежало лето
Просто пробежало, просто повернуло.
Косы на затылке серебром стянуло.

Сходить бы в храм, да поклониться богу,
Да попросить немножечко добра
И людям, и себе да детям на дорогу.
Благословенны наши времена.
Упавшая слеза, да голова под клиром.
И чаша, разрывающая плоть.
Зачем же столько мук господь помилуй,
Прошу пошли покоя, счастья, мира.
Дай в жизни мне надежду на любовь.

Кувшинка в озере купалась,
Ныряла, фыркала водой.
От рыб скрывалась и играла.
С лягушкой серой и большой,
Затем устав, расправив листья,
Под солнце выставив бочек,
Дремала мирно и прилично,
А солнце падало за лес,
играя желтизной небес.

Лето краснощекое веснушками покрытое.
Ветрами, ароматами, дождями чуть умытое.
Благоуханием, сладостью и прочей кутерьмой.
Да бесшабашной младостью и трепетной душой.
Уходит лето медленно, опустив глаза.
В сарафане ситцевом, но не навсегда.
И хочется противиться и не отпускать.
Зажав в ладошки лучик и его держать.
Обещаю ждать тебя, сохранить тепло.
Паутинкой снежною, закрыв свое лицо.

Пушистый снег укутал плечи
На окнах иней голубой
Горит камин, застыли свечи
И шаль тяжелая, с каймой
И кажется, что в лунном свете
Прозрачна кожа и душа
И никогда, ни кто на свете
Не скажет мне, «ты – хороша!»
И много дней уже промчалось,
Со дня рождения, и усталость
Легла на плечи снежной вьюгой
Замерзли щеки, нос и губы
Дыхание призрачно, мороз.
Сковал желанье, жаль до слез.

Ты моя золотая осень,
Вкус рябины, оскомина, сладость
Запах меда, весенняя просинь.
Нескрываемой страсти – страсть.
Голос твой тревожен и терпок
Проникает в меня не щадя
Ты моя последняя осень
Ты надежда моя и душа.
Как зарница сверкнет над полем.
И просыпается звездным дождем
Не бросай меня, желтая осень.
С синей птицей тебя мы ждем.

«Земляничная поляна»

Земляничная поляна, лист резной.
Запах хмеля, воздух рваный, ледяной.
Закружило, забросало ароматом.
Вкус оскоминой набит, словно мятой.

Вкус в душе, во рту и в мыслях – аромат.
Запах меда, он не слышен – «виноват»!
Мед и страсть, оскомы жалость – свиристель.
Как любить тебя неверного, без потерь?

Как забыться на поляне, как простить?
Запах меда такой пряный – не испить!
Не испить все муки боли – ржавой, злой.
Просто молод, ты так молод, дорогой!

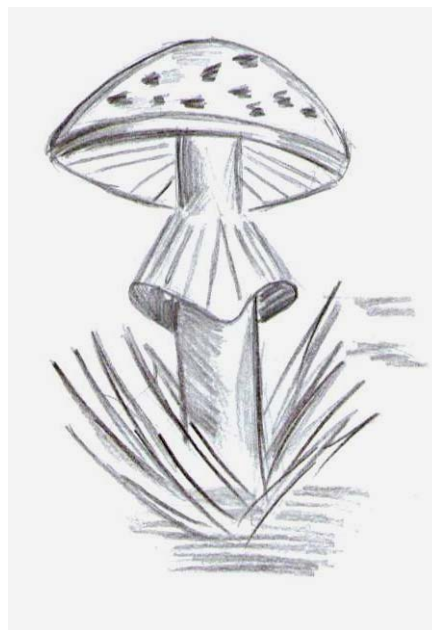
Мухомор

На полянке стоял одинокий
Чуть простуженный, чуть кособокий
По малиновой шапке упитанной
Бархатился горошек рассыпанный.

А осины смеялись над ним
Мухомором смешным и седым
Хмурил брови он, юбку одергивал
А горошек на шапочке вздрагивал.

Но грибник подошел и склонился
Красоте такой он поклонился
Невозможно пройти не заметив
Этот яд, этот бархат из меди.

И умолкли осины бесстыжие
Что у них? Только листья чуть рыжие
Нет горошка, нет юбки крахмальной
И расправил он плечи нахальный.

Какое небо над поселком?
Там бездна поглощает свет.
Где звездочки лежат по полкам,
И падают стремясь в рассвет.

За что там держится Ярило?
И караван из облаков.
И для чего луна светила?
Пугаясь стука каблуков.

Прилягу на траву из шелка,
Всмотрюсь в небесную красу.
И постараюсь не нарушить,
Их первозданность, глубину.

Белые ночи, услада и грусть,
Запах жасмина тревожит мне грудь.
Солнце лучи все спешит уронить,
Не успевает любовь сторожить.

Кто же успеет? Любовь – это сон,
Сладкой улыбкой весь мозг опьянен.
Легкой походкой и нежной рукой,
Взгляд с поволокой, с лохматой косой.

Что нам любовь? Сладкий сон на заре,
Куча подарков и смех в голове.
Чувства не скроешь, впросак попадешь,
Будь осторожен, меня ты найдешь.

Я возле церкви постою
Молитву тихо прочитаю
Оденусь в благость и елей
Судьбу свою перелистаю
Я помню все, как вьюга снег
бросала
И белым серебром, уютно
плечи прикрывала
И стук калитки поутру, когда
тревожны сны
И руки крепкие твои, с душой
пустой, без суеты
Я возле церкви постою
Молитвы тихо прочитаю
И крест железный наложу
Надолго, так хочу, мечтаю.

Моя любовь тебя пережила
Зачем состарилась со мною
А я делить хотела не одна
До старости и хлеб, и соль
с тобою
Зачем спешу к тебе тропой
сухой
Цветы ношу по праздникам
и плачу
И осеняя лоб, прошу Его
«Ну помоги, и жизнь
переиначи»
Не понимаю тех, кто говорит:
«любовь короче жизни, что
поделать»
И не хочу смириться, так болит
Совет прошу: «Скажи, ну что
мне делать?»

Руки

Какое чудо – твои руки,
В них легкость, пластика, игра.
Тебя представила подруга,
Я польщена, удивлена.

И рук твоих хочу касаться,
Играть, ласкаться и шутить.
И можешь нежно улыбаться,
С твоей рукой хочу дружить.

В твоих руках хочу проснуться,
Почувствовать твое тепло.
И под объятьем улыбнуться,
И замереть в них, мне легко.

К теплу руки ты приручил,
И запахнул ты душу, тело.
Скажи, зачем ты так умело,
Меня к блаженству приучил?

В руках твоих я как голубка,
С восходом солнца на крыле.
Я пью любовь твою – как губка,
Купаюсь в счастье - как в вине.

Подарок

Улыбка смеялась, упала в ладони
И будет храниться на полке в картоне
Там места достаточно и для других
Посмотрим, кто больше подарит таких

Устала улыбки твои собирать
Проветрю картон, и улягусь я спать
А утром увидела крышку открытой
О боже, картон весь улыбкой забитый

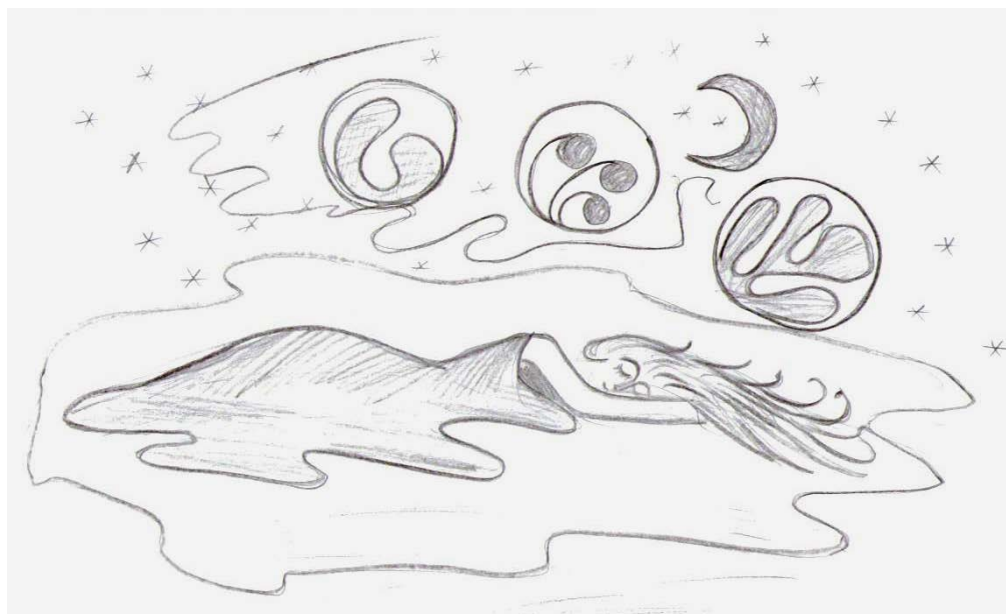
Понятно! Не справлюсь с подарком таким
Дождусь когда станешь ты просто седым
И силы не хватит улыбки дарить
Ну кто еще сможет меня осудить?

Буря в душе, монологи, события
Ссоры, свидания, слезы и лица
Осень стоит на пороге в рубахе
Плачет холодной капелью во мраке

Осень уйдет, за ней вьюги, морозы
Голые, гибкие, в снеге березы
Ежится будут, смотреть в темноту
Как бы их плач не накликал беду

А на пороге любимого дома
Вьет паучок паутинку из грома
Листья кленовые в дверь постучали
Яркостью красок печаль развенчали

Купила подушку
Душистую с хмелем
Дарила подружке
И вместе пьянели
От запаха хмеля
Плыла голова
И мысль улетала
Под облака
Мы видели сны
И они чаровали
Глазами огромными
Мы с ней моргали
Узнали все тайны
Увидели злато
Кто знает, а может
Мы будем богаты?
Есть сны шутники
Есть с пророчеством сны
Загадками, тайнами начинены
А утром проснувшись
Мы долго гадали
И смутно чего-то припоминали.

Сон

Не поверишь, я ночью летала
В облаках голубых и летучих
И на землю украдкой сбежала
Захватив с собой нитку от тучи

Между пальцев ее пропустила
И в ладони зажав осторожно
На колени к себе положила
Приласкала печально, тревожно

А из тучки забрызгали капли
Не хватает в ней нитки летучей
Поиграть с нею я не успела
Отпустила вдогонку за тучей!

«Гитара о барде»

Она в углу стояла,
На шее красный бант
Вздыхала, понимала,
Ее не любит бард

И струны не ласкает
Он смуглою рукой
Уходит и играет
С гитарой молодой

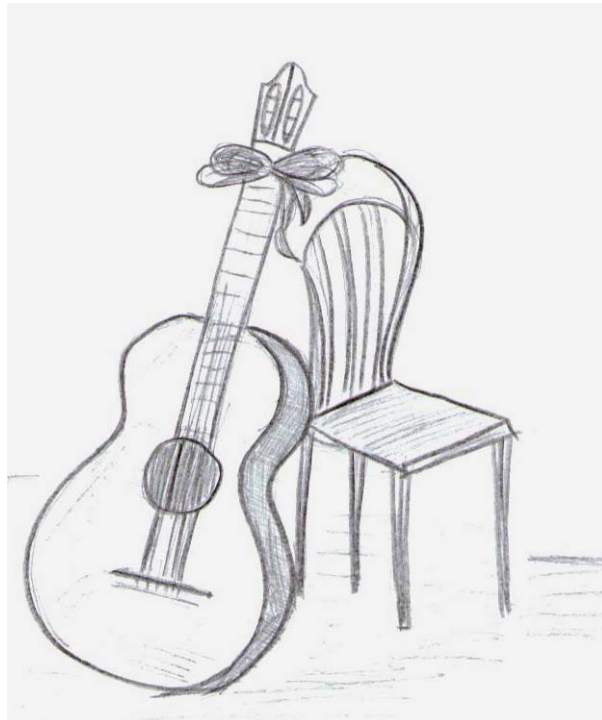
Он думает, настроит
На свой любовный лад
Скажу ему: «не стоит,
Ты – очень старый бард!»

«И не сожмешь ты страстно,
Слабеющей рукой,
И быть не можешь властен,
С гитарой молодой!»

Да, молодой гитаре
Не нужен старый бард
Отправлен он гитарой,
К забытой даме – «Гад!»

Мой красный бант на шее
И голос, хоть куда
И не простит гитара
Хотя не молода

Потухшим, скорбным взглядом
Увидишь скоро мглу
И скоро встанешь рядом,
С гитарою в углу.

«Судьба гитары»

С тонкой талией, женственна
С темно-синим бантом
Ты стоишь так божественно
Отливаешь тепло.
Ждешь мужчину доверчиво,
С сильной, властной рукой
И пойдешь опрометчиво
За свою судьбой
И из сердца прольется
Позабывтая страсть
Обовьет подсознание
Ляжет красками масть
Будут струны метаться
Хохотать и стонать
И нет силы расстаться
И нет сил больше ждать
Отыграет усталая
Тихо струны вздохнут
И гитару разбитую
Рано утром найдут.

Испанка, темперамент бьет ключом.
И костаньет постукиванье звонко.
И веера с причудливым лицом,
Меня заморозили, как девчонку.
Какой же веер выбрать мне,
Что б сладко было, терпко было
И голова безумная в огне.
И танца власть заморозила,
А темперамент бьет ключом
И страсть сжигает всю до тла.
И с тонкой талией, плечом.
Кому я в танце отдана?
На первом веере – любовь,
Кровавой страстью бьет и жалит,
А вот второй – в нем есть покой,
Прохладой северной туманит

Есть веер желтый, жадность в нем
В прожилках сладости жеманной
Закрывать глаза, бежать домой
Но останавливает черный – окаянный.
Ах веер, веер, дай совет,
Какой из вас, мне счастье дарит?
Какой из вас, прольет мне свет?
Какой из них, меня не ранит?!

«Покаяние»

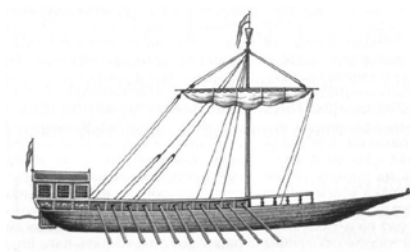
Дети, Вас не хочу огорчать,
Не хочу Вас тревожить напрасно.
Ну, а старость я буду встречать
Не скажу, как, да это неважно.

Я надеюсь, что пить не придется
И дорога не будет мне долгой
Да и посох какой-то найдется,
Проводить меня старой, убогой.

Постараюсь грехов не наделать,
Чтоб не стыдно было стоять.
Вспоминать меня оголтелой
И упрямством не упрекать.

Я жила к Вам с любовью и верой,
Воспитала Вас, как могла,
А состарившись стала усталой,
Ведь дорога была не легка.

Слово

об авторах:

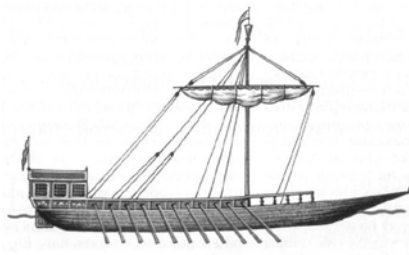
- ✿ **Ведерникова Любовь Алексеевна-** родилась 14 января 1955 года в Тверской области в п. Погорелое городище. В 1975 году окончила Ржевское медицинское училище. Сейчас живет во Владимирском Лагере. Работает в терапевтическом отделении военного лазарета. Стихи пишет со школьных лет.

- ✿ **Павленко Мария Андреевна-** родилась 9 сентября 1990 года в Пскове, окончила Среднюю общеобразовательную школу №18. После окончания школы в 2007 году поступила на исторический факультет, тогда еще ПГПУ им. С.М. Кирова. Изучением Хмеро- Посолодинской волости занимается три года. Рассмотрены архивные данные государственного архива Псковской области и Государственного архива Новейшей истории Псковской области.

- ✿ **Фёдоров Алексей Иванович-** родился 30 марта 1979 года в д. Марьино Струго-Красненского района . Закончил Струго-Красненскую среднюю школу в 1996 году. В 2001 году с отличием закончил Военный университет связи. С 2001 по 2003 год проходил военную службу в г. Наро-Фоминск Московской области. В 2003 году уволен в запас. С 2004 года по настоящее время работает в филиале ОАО «Мобильные ТелеСистемы» филиал «Макро-регион «Северо-Запад» в должности руководителя группы эксплуатации IN платформ Отдел эксплуатации информационных технологий.

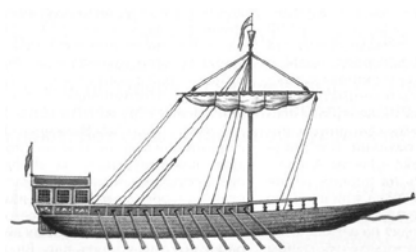
- ✿ **Фёдоров Андрей Иванович-** родился 28 мая 1964 года в п. Струги Красные. Закончил Струго-Красненскую среднюю школу. Работает столяром в ООО «Сервисстройлес». Командир группы «Поиск».

- ✿ **Фёдорова Анна Владимировна-** родилась 17 января 1989 года. В 2007 году закончила Струго-Красненскую среднюю школу. В 2008 году поступила в Псковский государственный университет имени С.М.Кирова на факультет технологии и дизайна. С первого курса стала заниматься живописью , рисунком, графикой. Её рисунки использованы в качестве иллюстраций к стихам Ведерниковой Л.А.

СОДЕРЖАНИЕ

Фёдоров А.И. Две судьбы	3
Воспоминания Николаева Владимира Михайловича	6
Павленко М. А. Струго-Красненская земля в первой половине XX века по материалам Государственного архива Псковской области	44
Федоров А.И. Семья Гуро	59
Ведерникова Л.А. «И женщина у озера одна...: Стихи»	63

***Благодарим авторов альманаха
за бескорыстное
предоставление своих работ !***

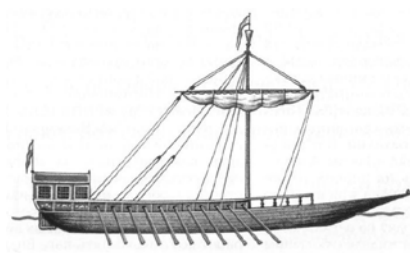
Приглашаем к сотрудничеству!

Обращаться с идеями и отзывами:
п.Струги Красные,
ул.Победы, д.2-в
Центральная районная библиотека
Методический кабинет
Телефон:52-132
Электронная почта: skbook@pochta.ru

**Финансирование альманаха-
Администрация Струго-Красненского района.**

Автор идеи и составитель: Иванова И.Е.

Распространяется по библиотекам
Струго-Красненского района
и ОУНБ.
Тираж 100 экз.

.